

ПАРЬ-ЦАРЬНИ

ИЗ ДЕТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ

КСЕНИЯ БАШТОВАЯ

Ксения Баштовая

Марья-царевна из Детской областной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238236

SelfPub; 2024

Аннотация

Раз в сто лет Кощей Бессмертный должен похищать царевну, такова традиция. Да где ж только ее взять, ту царевну? Разве что в Яви? А ведь потом на ней же еще жениться надо... Хотя нет! Можно же в лягушку обратить, и жить спокойно! Осталось только подобрать правильную царевну, чтоб потом за ней никакой Дурак не явился. Что? Она – врач-педиатр? Ничего, подойдет!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

103

Ксения Баштовая Марья-царевна из Детской областной

Царь умирал мучительно. Он и раньше не отличался долгоденством, а уж теперь, когда костлявая протянула руку, и вовсе стал походить на скелет. На обтянутом кожей черепе орлиным клювом выдавался нос, редкие седые волосы белой метелью обрамляли лицо, глаза, некогда горевшие голубым пламенем, потускнели и запали, длинные узловатые пальцы судорожно скребли по расшитому золотом покрывалу, а изо рта вырывалось хриплое дыхание.

Седовласый лекарь, еще несколько мгновений назад сновивший подле постели, встретился взглядом с вошедшим в комнату молодым мужчиной и, поклонившись, поспешно выскользнул из спальни, тщательно прикрыв за собой дверь. Любой зритель был бы сейчас лишним.

Сын опустился на край кровати, прикрыл ладонью руку отца.

Тяжелые набухшие веки вздрогнули:

– Ты пришел... – хриплый вздох больше походил на кот.

– Как только смог, – хмуро согласился сын. – На рубежах

неспокойно.

– Понимаю. Как и всегда... – новый вздох, хриплый кашель. – Там...

Сын проследил за взглядом отца. Потухающий взор был направлен на небольшой резной ларец, оставленный в дальнем углу.

– Возьми... Там...

Молодой мужчина встал, подхватил с пола ларец, вновь опустился на краешек кровати, откинув крышку. На острых скулах заиграли розовые отблески, вырывающиеся со дна шкатулки.

Старик закашлялся:

– Ломай.

Сын, и без того не отличавшийся смуглостью, побледнел еще сильнее:

– Зачем?! Ты поправишься! Мы найдем кузнеца, я уже послал слуг. Он перекует, и тогда...

Хриплый смех:

– Ломай... Я стар...

– Тебе всего девятьсот лет! Дед прожил полторы тысячи! – он спорил с отцом и понимал, что весь этот разговор бесполезен. Все давно решено...

Тонкие губы умирающего тронула улыбка, превратившая изможденное лицо в чудовищный оскал:

– Были... другие времена... Ломай...

Сын закусил губу и медленно опустил руку в ларец. Едва

слышный треск – тяжелый перстень на указательном пальце легко разбил тонкую скорлупу.

Старик шумно втянул воздух, в груди что-то заклокотало:
– Ломай...

Длинные пальцы коснулись холодного металла.

Старик захлебнулся от боли, почувствовав, как смерть сжала пальцы на сердце.

– Не... верь... сове...

Тихий щелчок.

На тонких губах, искривленных судорогой, выступила сияя пена...

...Он вышел из спальни отца, медленно, неслышно закрыл за собой дверь и прижался спиной к гладкому дереву.

На плечо легла ледяная ладонь – холод чувствовался даже через толстую ткань алого кафтана – седовласый лекарь осторожно отстранил вышедшего в сторону и проскользнул в опочивальню – лишь мелькнул в дверях чешуйчатый хвост.

Казалось, было слышно, как сыплются песчинки в часах, стоящих на небольшом столе в изголовье кровати...

Тихо скрипнула дверь, и ничего не выражающий голос шелестнул:

– Царь умер...

...Он не помнил, как добрался до своей опочивальни. Прогнал челядь, рухнул на постель, не сбросив с нее тяжелого покрывала, не раздеваясь, не сняв сапог – подковы на каблуках царапнули по жесткой парче – и уставился пустым

взглядом в резной потолок

Ладонь все что-то противно кололо. Мужчина разжал кулак, и на пол упали обломки иглы с навершием в виде крошечного черепа из розового кварца...

...Его венчали на царство через месяц.

Ночной Храм был полон народу. Из болот и лесов добрались водяные и лешие, примчались, размахивая серыми саванами, блазни и лихорадки, пришли на поклон подказурники и виритники, встали из земли ночные плаксы и проклятые, хихикали по-над стенами кикиморы и кузутики, вились у порога ахохи и говорухи, склонили головы волкодлаки... Все дивьи люди пришли на поклон к новому царю...

И сам Триглав опустил на голову молодому правителю Навьего царства железную корону.

Взметнулся за спиною алый плащ, черный кафтан, надетый по случаю траура, сам собою сменился шипастыми доспехами, протянутые вперед ладони коснулись крестовины возникшего из воздуха тяжелого двуручника с пламенеющим клинком...

И разнесся над Ночным храмом крик:

– Царь Кощей умер! Да здравствует царь Кощей!

Заохали – засвистели дички, всплеснули кожистыми крыльями зиланы, вскинули руки порчельники, приветствуя нового правителя... Крик и гомон разметало над капищем Триглава.

А на душе было муторно и тошно, будто жабу с молоком

проглотил...

Царь Кощей умер...

Да здравствует царь Кощей...

...Навье царство живет по своим законам. Кружат вихревики меж землей и небом, вовкулаки на ночную охоту выходят, вяшки и вяшата пересчитывают по ночам солому, халы у солнца и луны снуют, надеются их украсть, Доля и Недоля прядут свои кудели...

Лишь на рубеже беспокойно. Но так было, есть и будет всегда...

Кощей мотнул головой, отгоняя незванные мысли. Сейчас, хвала Триглаву, выдалась короткая передышка, и можно не думать о том, что творится на рубежах.

Тем более, что сейчас есть вопросы поважнее. Не зря же советник так настаивал на беседе?

Мужчина поднял руку, собираясь привычно поправить встрепанные волосы. Навязчивый жест, не больше того, но ладонь коснулась металлического венца... И медленно опустилась на подлокотник.

Пора отвыкать. Царю не пристало так себя вести.

Кощей выпрямился на троне и поднял глаза на склонившегося в поясном поклоне советника.

— Что ты хотел?

Вошедший выпрямился.

Сегодня Огненный Змей был в человеческом облике. Про таких говорят, кровь с молоком. Высокий, статный, светло-

волосый, румянец во всю щеку. Настоящий Иван- Царевич!

Или Иван- дурак.

– Я по делу, мой царь.

И голос у него соответствующий. По всей светлице раз-
неся, по коридору пролетел эхом, заплутал по горницам и
светлицам.

Кощей поморщился:

– Давай без скоморошества. Голосами будешь вдов пре-
льщать, а здесь без этого обойдемся.

Советник медленно кивнул и вытащил из- за пазухи пере-
тянутый алым шнуром свиток.

– Традиции, мой царь. Их надо чтить, – пухлые губы на
миг дрогнули в улыбке.

– Традиции? – мужчина недоумевающе поморщился.

Если ему не изменяла память, он сделал все, что полага-
ется. Венчание на царство прошло по всем канонам, о чем
это советник говорит?

– Традиции, мой царь, – в голосе Змея проскользнули ши-
пящие нотки. – И они требуют похищения царевны...

– Что?!

– Царевны, мой царь. Каждый правитель Нави хотя бы раз
в сто лет должен похищать царевну...

На памяти Кощея их было трое. Царевны из Яви. Мачехи.
Они приходили из ниоткуда и, прожив во дворце с полвека,
вновь исчезали в никуда.

Красивые, в расшитых речным жемчугом сарафанах и ко-

кошниках. Тихие, молчаливые, боящиеся глаза от пола лишний раз поднять.

Зачарованные.

Правда, сам Кощей никогда не задавался вопросом, зачем они вообще нужны, эти царевны?

Развлечение у отца какое-то было, что ли, похищать этих юных дев, похожих на легкие тени, ждать, что придет очередной царевич, стремящийся вернуть свою суженную...

Царевичи, правда, так и не пришли.

Только лягушек новых в болоте прибавилось.

– Зачем?! – он только и смог выдохнуть короткое слово, спрашивая больше у себя, чем у советника, не ожидая, что получит ответ.

Но Змей вдруг улыбнулся – меж пухлыми губами на миг мелькнул раздвоенный язык:

– Такова традиция, мой царь. Кощей должен раз в сто лет похищать царевну из Яви. Иначе ее похитит кто-то другой. И кто его знает, может он станет новым царем? Может, Триглав сочтет его более достойным?.. Горыныч вон, недавно похвалялся, что сила правителя угасла, и украсть деву может и он сам... Голов у него, конечно, много, парочку можно срубить, не обеднеет... Так и не поумнеет ведь. Может и в Явь наведаться...

Маше было тридцать. У Маши был синий диплом и ординатура за плечами, однокомнатная квартира, купленная родителями, кот Маркиз, подобранный год назад на улице, хроническое отсутствие любого намека на возможное замужество и зарплата врача- педиатра в анамнезе. Другими словами, ни одному нормальному бандиту никогда бы не пришло в голову похищать Машу с целью выкупа. Хотя бы потому, что выкупать было некому и не на что. Именно поэтому с работы Мария Степановна Орлова возвращалась, не особо беспокоясь о том, насколько мрачны переулки, по которым она идет. Нет, понятно, что сейчас на улицах большого города самая плохая примета – темные переулки последним айфоном освещать, но когда у тебя нет не то, что айфона, даже на простенький сенсорник денег не хватает, о таких пустяках можно не беспокоиться.

Была и еще одна причина, по которой Маша спешила домой, не глядя по сторонам и не обращая внимания на то, что творится вокруг. Завтра начинался отпуск. А значит впереди ждали две недели тишины и спокойствия. И можно будет лежать на диване, не думая ни о чем, не видя перед собой этих надоевших карточек и «историй», и на улицу можно будет выходить только затем, чтоб купить Маркизу пачку сухого корма – а если кстати, купить несколько упаковок этого кошачьего "макдональдса" можно будет вообще не выходить! – а там может и вовсе удастся найти «горящую путевку выходного дня» и на субботу – воскресенье сбежать на море.

А что? Насыпала коту две полные миски сухой еды, налила воды – и на пару дней свободна как птица в полете!

Другими словами, Маша была счастлива, Маша спешила домой, Маша не смотрела по сторонам, а потому не сразу заметила, что на улице как- то резко потемнело.

Южный город, семь часов вечера, до заката еще далеко... А сумерки вокруг – очень недобрые. Да и никакого шума не было слышно...

Маша резко затормозила и ошарашенно закрутила головой. Знакомая улочка, по которой за последние пять лет прошла столько раз, что и не сосчитаешь, как- то странно изменилась. Тени закружились в углах и подворотнях, листва на деревьях замерла, словно и ветерка никакого нет... А ведь мороз по коже продирает хороший. Как при ОРВИ.

А потом из сгустившегося вокруг мрака выступил он.

Мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Худой. Даже не высокий, а длинный: астенического телосложения. Острые, словно рубленные черты узкого лица – долихоцефал. Черные как смоль, глубоко сидящие глаза. Темные, растрепанные волосы, настолько густые, что их, наверное, ни одна расческа не возьмет.

И алый, как артериальная кровь, плащ. И черные, словно поглощающие остатки света доспехи... Все происходящее Маша отмечала автоматически, даже не задумываясь. В голове настойчиво билась одна мысль: «Бежать! Бежать!», но ноги словно примерзли к асфальту...

О том, что незнакомец одет малость не по моде, молодая женщина даже не задумалась.

А он подошел к ней, остановился в паре шагов от Маши и спросил:

– Как твое имя? – голос у незнакомца был хриплый, чуть гортанный.

– М- маша... – только и смогла выдохнуть она.

Незнакомец чуть прищурился, словно размышлял о чем-то, а потом удовлетворенно кивнул:

– Марья, значит. Сойдет.

– Мария! – протестующе пискнула она, но незнакомец ее уже не слушал.

Короткий взмах руки, резкий щелчок пальцев – длинных, тонких, как у скрипача или хирурга – и свет померк перед глазами...

Веник неторопливо шуршал по гладким деревянным полам. Маленький, ростом с табуретку, и какой-то квадратненький мужчина неспешно двигался вперед, изредка останавливаясь, оглядываясь по сторонам, словно размышляя, продолжать дальше или и так сойдет.

В горнице ощутимо потемнело. Из углов поползли недобрые тени, закружились хищными щупальцами, выискивающими жертву.

Подметающий, тихонько пискнув, шмыгнул в уголок, замер подле сундука с яркой крышкой, разрисованной птицами, а из сгустившегося мрака выступил, звучно стукнув подкованными каблуками, Кощей. На сгибе локтя у него висела крохотная женская сумочка, а на руках он держал молодую женщину. Бесстыдно коротко стриженую, без косы, в платье, едва прикрывающем колени...

– Тьфу, стыдоба какая! – не удержался от возгласа слуга.

Правитель Навьего царства только сейчас обратил на него внимание:

– Ты кто такой?

– Домовой я, – склонился в поклоне подметавший. – Стояном кличут.

– Здесь что делаешь? Почему тебя раньше не видел?

– Подметаю я, – улыбнулся домовый. – А к хоромам царским совсем недавно приставлен.

Мужчина смерил его долгим взглядом и мотнул головой в сторону двери:

– Иди. Потом доубираешь.

Слуга низко поклонился, гася зеленые огоньки в глазах, и спиной вперед выскользнул из горницы.

Кощей осторожно уложил пленницу на широкое ложе. Хрупкая, маленькая, царевна из Яви буквально потерялась на огромной кровати под бархатным балдахинном. Сумка на длинном ремешке упала на пол, а сам мужчина стал у изголовья.

Традиции надо чтить. Царь Кощей должен минимум раз в сто лет похищать царевну из Яви... Казалось бы, не сделал ничего неправильного... Но почему-то в душе все равно все переворачивается...

Похищение девицы из Яви – традиция, уходящая корнями в глубокую древность. На памяти Кощей, царевны появлялись чуть чаще, чем требовалось. Не сто лет – пятьдесят, семьдесят... Значит, отец считал эту традицию правильной! Значит, не было в ней ничего недостойного. Ведь так?

Или нет?

Марья- царевна зашевелилась, приходя в себя, и правитель Навьего царства резко отступил на шаг. Разговор с пленницей будет позже. Пусть сперва в чувства придет, а дальше видно будет.

Мужчина шагнул окну, провел ладонью по наличнику, запечатывая его – не хватало только, чтоб царевна из Яви с горя оземь бросилась – затем подошел к двери, дотронулся до тяжелого полотна – искусно вырезанная на ней клыкастая морда поморщилась и звучно чихнула – и вышел из горницы.

...Советник Змей все не успокаивался. Скользнул легкой дымкой, на расшитом зеленой нитью кафтане блеснули алые бусины, словно кровью одежду кто-то окропил...

– В Нави появилась царевна из Яви, мой царь?

Сидевший на троне Кощей поднял на Огненного задумчивый взгляд:

– С чего ты взял? – мужчина оперся о подлокотник и сей-

час задумчиво перебирал пальцами, словно перетирая что-то в ладони. На среднем пальце недобро подмигивал алым тяжелый перстень с огромным карбункулом.

– Слухом земля полнится, мой царь, – в вертикальных зрачках Змея отражалось закатное солнце.

– Это не ответ, – обронил мужчина.

Губы советника тронула легкая улыбка:

– Навь беспокойна, мой царь. Древние силы почувствовали, что традиция вновь набирает свежую кровь.

– Традиция, традиция... Да к анчуткам вашу традицию! – не выдержал Кошей. – На кой леший мне вообще сдалась эта ваша царевна!

Советник медленно прошелся взад – вперед, заложив руки за спину. Выглядывающий из-под кафтана змеиный хвост, поспешно затирав следы, остававшиеся на мягком ковре от тяжелых, подкованных сапог.

Мужчина остановился, бросил косой взгляд на Кошея:

– Это ведь ненадолго, мой царь, только и надо три дня и три ночи переждать.

– Почему? – Кошей недоумевающе нахмурился. Вспышка гнева мгновенно закончилась.

Огненный Змей медленно кивнул, на пухлых губах играла плутовская улыбка:

– Три дня, мой царь. Сегодня ты спросишь у царевны из Яви, пойдет ли она за тебя, услышишь ответ «Нет». Завтра – повторишь вопрос. Услышишь «нет». И на третий день сно-

ва спросишь, опять «нет» в ответ получишь... Тут ее можно будет хоть зачаровывать, чтоб не жива, ни мертва стояла, хоть в лягушку превращать... Триста лет в жабьей шкурке попрыгает, поговорчивее станет. А ты, мой царь, на ближайшие сто лет свободен ото всех забот...

Маша медленно открыла глаза. Воспоминания почему-то заканчивались на дороге домой. Как она, собственно, попала в квартиру, как кормила кота, как, в конце концов, сама ужинала, припомнить почему-то не получалось.

Впрочем, когда молодая женщина, наконец, открыла глаза, стало ясно, что отсутствие воспоминаний – еще не самое худшее, что может быть. Можно еще, например, проснуться не у себя дома.

Над головой – бархатный балдахин. Мягкая ткань складками спадала сверху, создавая интимный полумрак...

Под ладонью – жесткое гобеленовое покрывало.

Молодая женщина осторожно повернула голову, ничего интересного не разглядела из-за все того же балдахина и не придумала ничего умнее, как сесть, медленно сдвинуть в сторону полог...

Местный дизайнер, похоже, вдохновлялся картинами Васнецова или Билибина. Ну, или советскими мультиками по мотивам русских народных сказок. Хотя, фильмы Роу тут

тоже где-то рядышком пробежали.

Стены оббиты разноцветными кусочками сукна, порезанными треугольниками. Изразцовая печь в углу. Огромный сундук с крышкой, расписанной жар-птицами. Узорчатые фонари на стенах. Огромное окно с резными наличниками. Даже сама кровать, на которой сейчас сидела Маша, казалась произведением искусства: резные столбики, поддерживающие балдахин, создавали впечатление, что молодая женщина случайно забрела в музей, да тут и задремала...

Орлова зажмурилась и потрясенно мотнула головой. Открыла один глаз. Оглянулась, открыла второй. Картинка из русской народной сказки пропадать отказывалась.

Увы, но обстановка, какой бы диковинной она не была, ответа на вопрос, где оказалась Маша, так и не давала. Впрочем, как все это произошло, тоже было не ясно.

Хотя... Стоп. Что-то смутное было... Маша нахмурилась. Что-то всплывало в памяти... Знакомая вечерняя улица. Темнота, клубящаяся со всех сторон... Незнакомец, шагнувший навстречу...

Ее что, получается, похитили?!

Пленница пододвинулась к краю кровати и тихо охнула: ноги не доставали до пола сантиметров, так, на пятьдесят, не меньше – похоже, на огромном ложе было перины четыре.

Спрыгнув на пол, Орлова тут же подхватила лежащую на полу сумку. Кошелек на месте. Телефон – тоже.

А если Маша сейчас в милицию, тьфу ты, полицию позво-

нит?!

Мобильник включаться отказался, хотя батарейка была на месте. Ни одной розетки, правда, видно в комнате не было, так что проверить, разрядилась трубка или просто решила сдохнуть в самый неподходящий момент, не получилось.

Странно, но страха Маша не испытывала. Было какое-то легкое удивление – мол, что же это за дурацкий розыгрыш такой? – и не более того.

Возможно, для испуга был неподходящий антураж. Вот если бы пленница обнаружила себя в каком-нибудь, ни при-веди Господи, подвале, прикованной к батарее наручника-ми... Впрочем, какие бы цели похититель не преследовал, подкидывать ему эту идею не стоит.

А вот разобраться, что же собственно происходит, надо было. Мария бросила ненужный телефон в сумку и медленно пошла в обход комнаты.

За цветными стеклами разглядеть, что там на улице, не получалось. Окно, правда, тоже открыть не удалось. Створки, вроде, были, но как Маша не пыталась, сдвинуть их не вышло. Заклинило, что ли?

Тут, может, стоило проверить содержимое стоящего в углу сундука, но молодая женщина решила оставить это напоследок, когда не получится из комнаты выйти: почему-то пленница была уверена, что в коридор выбраться тоже не удастся – но проверить, конечно, стоило.

Что за зверь был изображен на створке двери, Маша пока

так и не разобралась: вроде изначально лицо человеческое, но пяточок, как у свиньи, бараньи рога, закрученные спиралью, клыки, торчащие из-под нижней губы, уши острые... Троль? Или гоблин.

Нет, странные все-таки у местного дизайнера вкусы.

Пальцы сомкнулись на тяжелом чугунном кольце, заменяющем ручку... И в тот же миг морда на двери скорчилась, поморгала глазами и рявкнула:

– Не велено!

Ойкнув, Орлова испуганно отдернула руку.

Это что еще за ерунда?!

А деревянная рожа на двери ухмыльнулась, показав в придачу к точащим из-под нижней губы клыкам еще десятка два остро заточенных зубов. Ну, прям мечта ортодонта.

– Простите? – осторожно выдохнула Маша, не отрывая потрясенного взгляда от странного охранника.

Рожа хлюпнула носом – пяточком и басом повторила:

– Не велено, говорю, выпускать из светлицы без особого дозволения.

Пленница медленно протянула руку и коснулась пальцами лба резной фигуры. Дерево. Гладкое, полированное, чуть прохладное.

Морда поморщилась:

– Ну вот не надо, а? Тебе б понравилось, царевна, если б кто руки загребучие тянуть стал?

Маша пропустила мимо ушей странное обращение:

– А вы... простите... кто?

Интересно, это вообще, как сделано? Три- Дэ изображение? А может голограмма? Но пальцы сквозь изображение не проходят...

– Охранник я, – осклабилась морда. – Приставлен здесь до скончания веков стоять, службу нести...

Орлова озадаченно потрясла головой. Что- то явно было не так. То ли мир сошел с ума, то ли сама Маша.

Хотя... С другой стороны... Почему сразу кто- то чокнулся? Существует ведь много книжек, фильмов о том, как люди попадают в параллельные миры. Так может, Маша в один такой и попала?

Мысль была заманчивой. Нет, конечно, ничего особо хорошего в том, чтоб быть какой- нибудь там Избранной – нет, но с другой стороны, кто сказал, что этой самой Избранной надо становиться?

В конце концов, можно ведь попасть в параллельно- перпендикулярный мир просто по ошибке? Через пару – тройку дней все выяснится, образуется и Маша спокойно вернется домой: к коту Маркизу, отпуску и историям болезни.

Тем более, что два – три дня на связь с родителями по Скайпу еще можно будет не выходить, а вот потом родные начнут волноваться.

Так что решено: выясняем, что это за другая реальность, разбираемся с вон там патлатым, который сюда по ошибке притащил, и отправляемся домой.

Хотя насчет приташил вопрос тот еще. Ведь может получиться так, что незнакомец действительно имеет непосредственное отношение к параллельному миру, но совершенно не виноват в том, что Маша сюда попала. Может он сам как раз мимо дырки между двумя реальностями проходил, тут его в чужой универсум и затащило. Может же такое быть? Может.

Клыкастая рожа на двери решила, что Маша чересчур долго молчит:

– Царевна- а- а! Ау- у- у!

Орлова потрясла головой, возвращаясь к реальности. Размышлять, что здесь происходит, можно будет потом – когда станет чуть больше известно, а пока – все вопросы надо решать по мере их поступления. Вот, например. Для начала надо выяснить, с какого перепугу ее царевной называют.

– А почему... – начала Маша.

Закончить вопрос она не успела: дверь резко распахнулась, и на пороге появился он. Тот самый незнакомец, с появления которого на улицах родного города все и началось.

Теперь пленница смогла повнимательней рассмотреть мужчину: в черных растрепанных волосах блестела серебристая полоска венца, цвет темных глаз было не распознать... Тонкие губы кривились в непонятной усмешке...

Одежда на незнакомце, как и раньше, была сугубо историческая. Правда, сейчас вместо шипастых доспехов на мужчине был шитый серебром черный кафтан по колено – Маше

опять пришли на ум сказки Роу.

– Очнулась? – в голосе у вошедшего проскользнули странные нотки. Пленница так до конца и не поняла, что же это было. Презрение? Насмешка?

Правда, единственное, что радовало: как и до этого, незнакомец говорил по-русски: значит, каким бы параллельным не был новый мир, опасаться языкового барьера не стоило.

– Очнулась, – согласилась Маша. Собралась с духом и начала: – И я хочу узнать...

Договорить ей не дали. Незнакомец прищурился, меряя пленницу взглядом, а затем резко обронил:

– Пойдешь за меня замуж?

Маше было тридцать. Маша ни разу не была замужем. Да что там греха таить, Маша даже на свидание ни разу толком не ходила. Все что было у нее в жизни – это так, пара поцелуев в подъезде. Стоило после них заикнуться о том, что Маша рассчитывает на нечто серьезное и все! Жених тут же пропал. А Маша хотела замуж.

Маша мечтала о красивой свадьбе, белом платье в пол, длинной фате, голубях, выпущенных в небо около ЗАГСа...

Маша очень хотела замуж.

Эмоции сработали раньше, чем мозги.

Маша взвизгнула:

– Да! – и радостно повисла на шее у похитителя.

Кошечей остолбенел...

...Собраться с мыслями удалось не скоро. Мужчина осторожно перехватил тонкие запястья царевны, отвел ее руки от собственной шеи и, не разжимая ладоней, уточнил:

– А Иван?

Даже замутненный радостными мыслями о браке мозги Маши начал догадываться, что что-то не так:

– Какой Иван? – решила уточнить молодая женщина.

– Царевич. В крайнем случае, дурак, – ничего умнее Кощей пока что сам не придумал.

Знакомых Иванов у Маши не было. Ни одного. Нет, конечно, если покопаться, может где-то когда-то какой-нибудь Ванятка мимо и пробежал, но сейчас, навскидку, Маша никого не припоминала.

– Н- нет никакого Ивана... – растеряно пробормотала она. Что-то явно было не так.

– Ага. Понятно, – оторопело протянул незнакомец, выпустил ее руки, отступил на шаг и истаял черным дымом.

Кощею и самому надо было собраться с мыслями.

Дверь захлопнулась.

Советника молодой царь нашел в библиотеке. Огненный Змей стоял, упершись ладонями в столешницу и напряженно выглядывая что-то в огромной инкунабуле. Страницы книги перелистывались самостоятельно – замирали на несколько

секунд, а потом вновь начинали переворачиваться сами по себе.

– Как это понимать?! – прошипел Кощей.

Испуганная царским гневом значиха – книгочея, отвечавшая за библиотеку, поспешно шмыгнула за ближайший стеллаж, не рискуя призывать на свою голову все громы небесные.

Змей поднял голову от толстого тома. Кудрявые волосы, перехваченные широким алым очельем, казалось, светились золотом.

– Что именно, мой царь?

– Она согласилась!

– Кто? На что?

– Царевна! – рявкнул он, уже не сдерживаясь. – Замуж! А мне что теперь делать? Чай, жена – не гусли! Наигравшись, на стену не повесишь!

Любопытная значиха, только выглянувшая из-за книжных полок, юркнула обратно, а Змей так и замер, пораженно уставившись на Кощея.

– Царевна из Яви согласилась замуж пойти? Сама? С первого раза?.. А Иван?!

– Спрашивал, – зло буркнул мужчина. – Не знает она никакого Ивана, никто за ней не придет.

Сердце грызла злоба. Это ж надо было такую неудачную царевну подобрать, что ее даже никакой царевич не ищет! Отец, небось, так не ошибался... Хотя нет, в Навь за поло-

нянками обычно никто не приходил... Но ведь они- то и не соглашались замуж идти!

Огненный Змей задумчиво закусил пухлую губу:

– Не знает, значит... – на миг перевел взгляд на книгу, которую листал до этого, и вдруг широко улыбнулся: – Но это же не беда, мой царь. Осталось ведь еще два раза. Откажется хоть один – и можно не печалиться!

– А если не откажется?!

– Девицы, они, существа ветреные... Сегодня говорят одно, завтра передумать могут... – новая улыбка обнажила острые, змеиные, зубы: – Вот и надо, мой царь, помочь твоей полонянке дать правильный ответ...

Стоило двери захлопнуться, как чудовище на створке разразилось хохотом. Не смотря на бас, которым до этого говорил охранник, смех у него больше походил на хихиканье – высокое, девичье и чуточку даже смущенное.

Маша потрясла головой, путаясь собраться с мыслями. Нет, во всем происходящем что- то явно было не так. Впрочем, понять, во что же она, собственно, вляпалась, мешал все тот же хохот, а потому Орлова не придумала ничего лучше, как хмуро поинтересоваться:

– Ну и что смешного?

Толкового ответа она не ждала, но охранник вдруг снизошел до ответа:

– Все! И как ты, царевна, ответила. И как он удивился...

– Да не царевна я! – не выдержала Маша. Если уж попала в какой-то параллельный мир, так надо сразу все точки над I расставить. А то сперва, вот, царевной обзывают, потом и замуж зовут...

А вот тут, кстати, и вопрос возникает. А не из-за этого ли ее, собственно, под венец пригласили?

Нет, конечно, спроси у Маши еще раз, хочет ли она замуж – ответ был бы тот же самый, ничего не изменилось, благо кандидат в мужья был вполне симпатичный, а любовь... Любовь – это штука такая, которой, может и не существует вообще. А потому – стерпится, слюбится: в этом вопросе Мария была вполне практичной...

Мысли, вот, правда, имели тенденцию скакать, как угорелые тараканы, но это дело десятое.

Сейчас стоило вернуться к ранее заданным вопросам. А именно – что такого смешного, почему Машу упорно называют царевной и, главное, где она, все-таки оказалась? А то за этими вопросами о женитьбе все это из головы вылетело. Тем более, что брак, это, конечно, хорошо, но дома-то кот не кормленный!

И вот да, все-таки возвращаясь к неожиданному жениху. Кто ее замуж-то позвал? А то все это, конечно, прекрасно, но мы же не в каком-нибудь там древнем Китае живем, чтоб имя мужа в день свадьбы узнавать.

– ...Вот о чем я поэтому так и говорю, – закончило свою

речь чудовище на двери, и Маша поняла, что все это время, пока она была увлечена своими мыслями, фантастический охранник что-то рассказывал, объяснял и доказывал...

Осталось только попросить повторить все это на бис.

Долго ждать не пришлось:

– Царевна, конечно, говорю, – осклабилась клыкастая морда. – Будь ты не царевна, тебя бы разве сюда принесли? Нет, конечно. Вот и получается, как не крути, царевна самая настоящая... Вот я поэтому так и говорю. Третий раз повторить?

– А сюда, это куда? – осторожно уточнила Маша, чувствуя, что она наконец пошла нужным путем.

– Так в Навь же! – будь у надверного чудовища плечи, оно бы ими пожало.

– Куда?!

Слово «Навь» было Маше смутно знакомо. Где-то она его уже слышала или, может, читала... Но что оно означало, Орлова не знала.

– Навь! Навье царство, то есть, – чудовище цыкнуло зубом, понимая, что и новое объяснение ничего пленнице не говорит и попыталось зайти с другой стороны: – Ну, есть Правь – мир богов, есть Явь – мир людей, из него ты, царевна, родом, а есть Навь – мир чародейства.

Сказанное начинало выстраиваться в систему, но все еще было настолько смутно...

– А вот этот... который замуж позвал... Он кто?

Надо ж, в конце концов, узнать имя будущего супруга.

– Царь Кощей! – горделиво обронило чудовище.

– Ка... Какой Кощей?! – оторопело выдохнула Маша. –

Который «смерть Кощеева на конце иглы...»?

Охранник на миг скривился, словно размышляя о чем-то, а потом жизнерадостно согласился:

– Можно и так сказать!

– Скальпель мне в ухо... – только и выдохнула потрясенная Маша.

Попала в сказку, называется.

Ругаться Маша умела. По-настоящему, с подвывертом – благо, обучение в мединституте давало свои плоды, – но, когда твои пациенты еще не вышли из нежного возраста, их матери очень трепетно относятся к тому, что могут слышать дети. А уж как радостно они бегут к главврачу, докладывая, что педиатр ляпнул что-то не то... Получать выговор с занесением в личное дело не хочется никому. Так что, по большей части, приходилось фантазировать.

Впрочем, сейчас речь шла совсем не об этом. Маша только-только свыклась с мыслью, что она действительно попала в какой-то параллельно-перпендикулярный мир, и вот на тебе, новая радость. Мир оказался круто замешан на славянской мифологии.

И для полного счастья в женихи сватался Кощей Бессмертный.

Сказки Маша читала еще в детстве, но не знать, кто это

мог бы только идиот. А вот то, что было известно, никаких счастливых мыслей не навевало. Даже если на миг предположить, что сказки – это сказки, и верить там особо нечему, образ персонажа был далеко не симпатичным.

Что там можно припомнить? Идет войной на Русь – уже не положительный герой. Якшается со всякими там Змей Горынычами, Бабами- Ягами и прочей нечистью – это кстати, тоже заставляет задуматься. Воруется всяких там Василис да Марий – вот за одно, становится ясно с какого перепугу Машу дверное чудовище царевной называет.

И вот, кстати, учитывая, что навскидку можно назвать десяток сказок, в которых Кощей кого-нибудь похищает, становится ясно, что ничего хорошего здесь пленнице не светит.

Может, он маньяк какой-нибудь?

...И вот за такого «принца на белом коне» Маша резко согласилась выйти замуж.

– Ossa metatarsi!¹ – латынь, кстати, тоже очень хорошо подходит для ругательств. Хотя и не подходит по смыслу.

Но зато эмоции позволяет высказать.

Если первую фразу чудовище пропустило мимо ушей, то второе его заинтересовало:

– Чего баешь, царевна?

– Тихо сама с собой веду беседу, – привычно огрызнулась Маша. – Приятно поговорить с умным человеком.

¹ Ossa metatarsi – Плюсневые кости (латынь).

Охранник ослабился:

– Приятно, оно, конечно, приятно. Только, где ж его найти, умного? Тут окромя тебя та и нет никого.

Орлова скривилась. Кажется, ей только что поведали, что считают ее дурнее таракана...

Впрочем, спорить сейчас смысла не было. Намного важнее было сообразить, что же делать дальше. Как выбраться из этой комнаты, как вернуться домой – тем более, что замуж как-то резко расхотелось: если бы у Маши спросили сейчас – она бы наотрез отказалась. Это все была минутная слабость.

Увы, но Кощей этого не знал...

– Правильный ответ, говоришь? – молодой царь задумчиво потер подбородок. – Как только его добиться?

Острые, звериные, зубы Огненного Змея резко контрастировали с обликом «добра молодца», под которым он сейчас скрывался.

– Есть много способов, мой царь. Самые простые – это, конечно, дыба, кнут... На худой конец – кувшин с пробитым дном, из которого на маковку вода капает... День – два – и царевна передумает.

Кощей поиграл желваками:

– Проще тогда уже сразу зачаровать. Прикажешь околдо-

ванной – она и откажется.

Сладкая улыбка:

– Нельзя, мой царь. Традиция гласит, что царевна должна дать ответ, идущий от сердца. А какое сердце у той, которой все блазнится? Так, уголек остывший, а не сердце.

Молодой мужчина дернул уголком рта:

– Попытки – не метод.

– Подумай, мой царь, подумай... Утро вечера мудренее... Вспомни, как люди из Яви пытали твоего прадеда... Он на двенадцати цепях больше ста лет висел. Если б не дурак, который просьбу ублажил, водой напоил, давно бы род твой прервался...

Мягкий певучий голос успокаивал и убаюкивал, туманил разум... Казалось, книжные стеллажи уплывают куда-то вдаль, уменьшаются с каждым мигом...

Металлическая корона сдавила голову, в виски будто огненные иглы вонзились. Наваждение спало, будто и не было.

– Я сказал нет! – рявкнул Кощей. – Никаких пыток! – В черных глазах полыхнули отблески алого пламени, и Огненный Змей отступил на шаг и покорно склонил голову перед правителем Навьего царства:

– Как будет угодно, мой царь, – в голосе советника проскользнули шипящие нотки, а пальцы царапнули по страницам старинной инкунабулы, оставляя на древнем пергаменте следы когтей...

– Другие идеи есть? – мрачно поинтересовался Кощей.

Огненный Змей вскинул голову: злые искры, пляшущие в глубине прозрачно – голубых глаз, медленно исчезали. До конца они, впрочем, так и не пропали. Только вот молодой царь этого не заметил, будучи занятым собственными мыслями да тревогами.

– Мне надо подумать, мой царь, поразмыслить... Дай мне пару дней срока, и я найду решение.

– Ты же сам говорил про три дня? – резко обронил мужчина.

Легкая улыбка тронула губы советника:

– Я назвал этот срок для тебя, мой царь. Думал, ты за три дня от нее избавишься, но старинная традиция не ставит границ. Полонянка может хоть век жить при дворе. Старуху, правда, ты и сам под венец вряд ли позовешь... Да и отправится она в Пекло или Ирий – а тебе опять срок подойдет, новую похищать... Подари мне пару дней, мой царь, и я дам совет, как добиться от царевны из Яви правильного ответа.

– А она?

Змей пожал плечами:

– Пусть живет при дворе, сидит в своей горнице... Что с ней будет?

Кощей на миг задумался, а затем резко кивнул:

– Так тому и быть, – и вышел из библиотеки, бросив дверь открытой.

Огненный Змей мягко скользнул к выходу из комнаты, осторожно, плавно прикрыл створку и так же неслышно вер-

нулся к столу с книгой. Провел ладонью по поврежденным страницам, коротким жестом удаляя царапины с пергамента, и сладко улыбнулся:

– Подари мне всего пару дней, мой царь... И царица даст правильный ответ...

Меж пухлых губ мелькнул раздвоенный гадючий язык.

Пучай- река, как всегда, была беспокойна. Серые, бурлящие волны неслись меж изрезанных водой берегов, вскидывались к самому Калинову мосту, протяжно шипели, оседая на алом металле переправы, через которую уже множество веков никто не переходил, но которую все надеялись взять штурмом.

Там, на противоположном, высоком берегу начиналась Навь. Там воздух искрился от магии, плотным облаком окутывающей весь мир. Один из трех, созданных Родом...

Там была жизнь.

А здесь... Лишь пепел, лишь мрак, лишь смерть...

Закутанная в серый балахон фигура медленно пошла вдоль берега. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо, мешковатая одежда прятала изгибы тела, и не определить было, кто идет вдоль Пучай- реки: мужчина? Женщина?

Капли ядовитой воды брызнули на ниспадающее свободными складками одеяние, и от грубой ткани пошел легкий

дымок — там, где проклятая жидкость прожгла россыпь мелких дырочек.

Путешественник на миг замер, размышляя о чем-то, а затем развернулся и медленно направился в обратную сторону. До ночи еще далеко. Гость прибудет лишь после заката, не раньше...

...С каждым мгновением ждать становилось все труднее — ядовитые испарения от Пучая туманили голову, капли, взмывающие в воздух, обжигали плоть... Пусть на низком берегу все это было лишь условностью, но старинные чары, разделявшие миры, могли ранить жителей и того берега, и этого...

До ночи было еще далеко. Но это не значило, что время было потеряно. Его ведь всегда можно провести с толком...

Фигура в балахоне остановилась, вскинула голову к серому небу затянутому пеленой угрюмых облаков, а затем медленно опустилась на колени. Лишь когда спрятанная в широком рукаве ладонь коснулась потрескавшейся земли, ожидающий склонил голову, осторожно повел рукою. Там, где скользили костлявые пальцы, оставалась тонкая, пышущая алым пламенем полоса.

Очертив круг, ожидающий положил ладонь в его центр, и вновь замер, прислушиваясь к чему-то. Мгновение, второе... Если бы у того, кто нетерпеливо ждал полуночи, билось сердце, он бы считал его удары, а так... оставалось только ждать.

И надеяться, что на этот раз приказ царя Нияна удастся исполнить задолго до заката.

Иначе зачем все это устраивать?

Маша задумчиво закусила губу. Ситуация складывалась, мягко говоря, дурацкая.

Попала в сказку.

Встретилась с Кощеем Бессмертным.

И согласилась выйти за него замуж.

Просто чудесно.

Интересно, в бабу Ягу невесте обязательно превращаться, или жених на врача – педиатра согласится?

Хотя, честно говоря, и замуж как-то уже расхотелось.

Охранник решил, что молчание затянулось:

– Что не весела, царевна? Али беда какая приключилась?

Нет, он, похоже, издевался.

– А то, что вокруг творится – это не беда? – язвительно поинтересовалась Орлова. Настроение у нее, еще недавно пребывавшее в районе верхней отметки («Замуж!!! Меня позвали замуж!!!») медленно, но верно скатывалось куда-то ниже уровня канализации.

– Да какая ж это беда, царевна? Ну, подумаешь, царь Кощей в полон взял? Так гордиться надо, он тебя из тысячи других выбрал!

В полон, значит, взял. То есть, все-таки похитил. Забрал из родного города и притащил сюда, в эту самую... Навь. Так кажется этот мир магии назвали? А теперь еще и в жены зовет, для полного счастья.

— Горжусь, — мрачно буркнула Маша. — Вот сейчас шнурки поглажу и загоржусь еще сильнее.

Чудовище иронии не поняло. А может просто притворилось:

— Ну и правильно... Ты, царевна, главное, сильно не тоскуй. В Яви, может, и хорошо было, но та жизнь в прошлое ушла, а ты...

— Угу, — зло фыркнула Маша. — В прошлое, значит, ушло? Что воля, что не воля — все одно?

Только философствований в стиле Морского царя ей не хватало...

Чудовище смущенно промолчало, видимо, решив, что подобные разглагольствования чересчур пессимистичны даже для него.

Маша же не стала дожидаться ответа, и вновь оглянулась по сторонам. Пора было что-то делать...

Для начала стоило проверить, что там в сундуке, а затем определиться, как выбраться из комнаты, если сама дверь — ну или изображенный на ней охранник — не желает тебя выпускать.

Крышка сундука оказалась безумно тяжелой. Пусть замка на ней не было, но откинуть ее удалось с трудом.

Женщина осторожно опустилась на колени рядом с открытым ларем, запустила в него руки... Платья. Тяжелые сарафаны из атласных тканей, расшитые золотом и серебром, украшенные драгоценными камнями. Рубашки тонкого льна. На дне – изящные туфельки, которым больше походило определение из Гоголя «черевички» и алые сафьяновые сапожки.

Странно, конечно, все это.

Тут кто-то что-то про плен говорил. Похищение как-то трудно сочетается с подобными нарядами.

Или они от прошлой хозяйки комнаты остались?

– А... – Маша оглянулась на дверь и поняла, что она так до сих пор и не знает, как обращаться к охраннику. Нет, понятно, что по канонам жанра тут необходимо что-то вроде «эй ты, чудище окаянное», но с другой стороны диковинное создание сидит себе спокойно на створке, гадостей никаких не делает... Он же виноват, что его охранником создали...

А уж в том, что его именно «создали» сомнений не было.

– Тебя как зовут?

У чудовища от удивления даже морда вытянулась:

– Что?

– Звать тебя как?

– Куда звать? – настороженно поинтересовался охранник.

Маша тяжело вздохнула и попыталась изменить вопрос:

– Обращаться к тебе как?

– Зачем мне в кого-то обращаться? Что я, шишкун ка-

кой? – возмутился тот.

– Имя у тебя есть?

– Зачем оно мне?!

Тут, пожалуй, стоило остановиться, но Маша решила, что раз уж она начала, то надо идти до конца.

– Значит, нету... Я буду звать тебя Васей! Будешь Васенькой? – откуда это имя пришло на ум, женщина и сама не знала. Но в первый раз оно вдруг само прыгнуло на язык, а второй – произнеслось лишь потому, что останавливаться уже было поздно.

– Вас- с- сьяа... – как то долго и тягуче произнес охранник. Запнулся и вновь повторил: – Вас- с- сьяа...

От свиного пяточка пошла в стороны тонкая светящаяся золотом спираль. Она кружилась и увеличивалась в размере, захватывая все большую площадь...

– Вас- с- сьяа... – басовитый голос звучал колокольным перезвоном. Он одновременно был настолько громок, что его, наверное, было слышно, на другом конце вселенной, и, в то же время, настолько тих, что вряд ли покинул пределы этой комнаты...

Полыхнула яркая вспышка...

Проморгаться Маше удалось минут через пять, не раньше. На миг она даже испугалась, не спалила ли она себе сетчатку, но, к счастью, похоже, дело обошлось без излишнего травматизма.

Дверь была пуста. Резьба, украшавшая ее еще несколько

мгновений назад, пропала, и сейчас створка была абсолютно гладкой.

В древесине Маша особо не разбиралась, но сейчас, глядя на гладкую темную поверхность, почему-то вспомнила определение «мореный дуб». А может, это и не дуб был, а какое-нибудь фейхуа...

Впрочем, Орловой было не до того, чтоб разбираться в том, из чего же собственно была изготовлена дверь. Хотя бы потому, что сейчас у молодой женщины были более насущные проблемы: например, нужно было разобраться, что за существо, сантиметров тридцать ростом, сидит сейчас на полу у входа и удивленно хлопает огромными глазами.

Больше всего диковинное создание напоминало зеленого человечка из космоса, как его рисуют во всяких дурацких мультфильмах. Худое, даже тощее, с непропорционально длинными руками – пальцы заканчивались какими-то подобиями присосок, и с огромными, на пол-лица глазищами. Для полного счастья существо было обряжено в алый кафтанчик, малиновые брючки и кожаные сапожки с широкими голенищами.

– Ты кто? – тихо выдохнула Маша.

Существо подняло огромные глаза на пленницу и тихим тоненьким голоском поинтересовалось:

– Где?

– Что «где»? – не поняла Маша.

– Где «кто»?

Даже небольшого опыта врача- педиатра хватило бы на то, чтоб понять, что если не перевести разговор на другую тему, то ничем хорошим он не закончится... Да и логика вполне определенно подсказывала то же самое... Но когда Маша слушала логику?

– Ты.

– Я? Что «Я»? Я ничего, я хороший...

Маша нервно хихикнула:

– Да я и не говорю, что плохой. Я просто не пойму, кто ты такой.

«Зеленый человечек» задумчиво почесал лысую морщинистую голову и неуверенно предположил:

– Коловертыш?

– Кто?! – Орлова и слов- то таких не слышала.

– Ну... Знаешь, ведьмам помогают, достаток приносят...

– Фамилиар, что ли? – это понятие Маша хотя бы в фентезийных книжках читала.

Существо обиженно надулось:

– Не знаю я никаких фамилиаров. Коловертыш я, вот!

Кощеева невеста только вздохнула:

– Звать тебя как, коловертыш?

Создание расплылось в широкой улыбке:

– Ва- а- а- асенька!

Маша замерла, потрясенно уставившись на «коловертыша». Сложить «два» и «два» и вспомнить, что сама несколько минут назад предложила называть «придверного мон-

стра» Васенькой, молодая женщина могла. Правда, прочитанные в детстве сказки не сообщали о такой внезапной возможности. Маша где- то когда- то слышала иностранные истории о том, что всяким там пикси и брауни, помогающим людям по хозяйству нельзя дарить новую одежду – обидятся и уйдут, но что «поименование» может привести к чему- то подобному, полонянка даже не ожидала.

Впрочем, с другой стороны. Если охранник исчез, сменившись этим самым «коловертышем», получается, Машу никто теперь не держит, и можно для начала выбраться из этой комнаты, а потом поразмыслить над необходимостью столь срочного замужества...

И вот кстати, перед тем как выбираться, надо все- таки спросить про сундук. Тем более, что коловертыш, судя по всему, существо более разговорчивое, чем охранник. Правда, как об этом спрашивать... Да и хочется ли узнать, что все сарафаны, что лежат в ларце когда- то принадлежали другой «царевне», которая, если опираться на то, что рассказывают о Кошее сказки, наверняка уже покойница...

Маша собралась с духом – за грудиной что- то противно екнуло – и осторожно окликнула коловертыша:

– Васенька...

– Ась? – поднял на нее выпученные черные глазки коловертыш.

– А... Вот эти сарафаны, платья в сундуке... Они чьи?

– Так твои ж, царевна, чьи ж еще? – удивилось существо.

Маша нахмурилась. Происходящее все меньше и меньше походило на правду. То ли сказки о Кощее врани, то ли коловертыш придумал ответ, не озаботившись его правдоподобностью.

Хотя, с другой стороны, все может объясняться тем, что это создание появилось совсем недавно. Пусть оно и материализовалось на месте охранника, но сам Вася может, ведь не знать, что здесь происходит.

Хотя Машу царевной он так же, как и его предшественник называл...

Впрочем, разбираться, что здесь происходит, почему ее так называют, и чьи там платья валяются в сундуке – можно будет чуть позже. Сейчас стоило все-таки выбраться в коридор и осмотреться по сторонам. Тем более, что есть очень хочется.

А дома еще и Маркиз не кормленный.

Орлова решительно захлопнула крышку сундука и, встав, направилась к двери.

Стоявший у самого входа коловертыш наблюдал за пленницей, склонив голову набок.

– А ты, царевна, куды?

Хороший вопрос. Если бы Маша еще на него ответ знала.

– Туды, – хмыкнула женщина, судорожно подыскивая чуть менее обтекаемый ответ.

Странно, но Васеньку устроило и такое сообщение:

– А, ну туды – эт конечно... Эт важно... – Диковинное

создание сдвинулось в сторону, освобождая проход.

Кажется, охранять, сторожить и не пущать он действительно не собирался.

Осталось только надеяться, что пропавший – или замесившийся Васенькой – охранник был единственным в этой полосе препятствий. Ну, и еще что дверь не на замке.

Маша осторожно взялась за круглую ручку, потянула...

Заперто все- таки.

Что и требовалось доказать. Все- таки пленница...

– Толкнуть попробуй, царевна, – посоветовал тонкий голосок из- за спины.

Будто от этого что- то изменится...

Как не странно, но советчик оказался прав. Дверь открылась от легкого прикосновения...

Маша на несколько мгновений замерла, собралась с духом и, набросив на плечо ремешок сумочки – мало ли, зачем пригодиться может – решительно шагнула вперед.

Ждать пришлось долго. Солнце уже начало тонуть в бездне Пучай- реки, когда от прикоснувшейся к серому камню костлявой ладони наконец полилось розоватое свечение. Оно рвалось вверх, вытягивалось стрелой, наливаясь алым цветом.

Постепенно отблески обретали очертания птичьего тела. Пока прозрачного, не обретшего плоть и кровь, но ведь все

происходящее всегда лишь вопрос времени, а тот, кто ждал на этой стороне реки посланника, умел терпеть.

Казалось, багровые отблески тонувшего в пучине светила давали жизнь создаваемой чарами птице. Присмотрись – и увидишь, как со стороны серых волн тянутся алые нити, оплетая призрачную фигуру, творя колдовское создание.

Солнце потонуло в водах Пучай- реки уже до середины, когда ожидающий решил, что он сделал уже все необходимое. Окутанный саваном силуэт резко отдернул ладонь от земли, по прозрачно- алой фигурке прошла дрожь, и в тот же миг в разные стороны брызнули тающие в воздухе осколки, давая жизнь нововму созданию – в кругу сидела, заинтересованно крутя головой небольшая сова.

Ожидающий хрипло хохотнул, протянул длинный узловатый палец и легонько коснулся головы своего создания:

– Ты идеальна...

Сова широко распахнула круглые глаза и потянулась за ладонью, как собака, прося новой порции ласки.

Новый смешок:

– Не сейчас, моя родная. Выполнишь свою часть обязательств и получишь добавки... А пока – подожди до заката... Осталось совсем немного...

Больше всего Маша боялась, что ее сейчас остановят. Выглянут из- за украшенной изразцами печи, выскочат из- за

угла... А то и вовсе, вспомнят, что должно быть что-то магическое – и тогда, например, какая-нибудь жар-птица, на стене нарисованная, оживет, зашевелится, клюнет...

Впрочем, опасениям сбыться было не суждено, пленница никого по дороге так и не повстречала – то ли Машу никто не охранял, понадеявшись на то, что сама она из комнаты не выйдет, то ли ее попросту поселили в самой заброшенной части замка. Хотя нет, в русских народных сказках не замки были – дворцы. Или не дворцы? О, точно! Хоромы.

Надо сказать, какой бы заброшенной эта самая часть хором не была (если ее действительно забросили), посмотреть тут было на что: стены, оббитые разноцветными ситцами, печи, украшенные зелеными изразцами, разноцветные слюдяные окошки, мягкие ковры, в ворсе которых нога утопала почти до щиколотки...

– Долго мы еще идти будем?! – вдруг прогнусавил тоскливый голосок за спиной.

Маша вздрогнула от неожиданности и оглянулась: за ее спиной сидел, обхватив тонкими ручками коленки уже знакомый коловертыш.

– Ты что здесь делаешь?!

– За тобой пошел, царевна.

– Следишь, что ли?

– Больно надобно, – обидчиво надул губки Вася. – Я просто ж твой коловертыш, вот и...

– Что значит «мой»?!

– Ну... твой.

Маша напряглась:

– Я же не ведьма.

Она прекрасно помнила слова диковинного создания о том, кому эти существа должны помогать.

Васенька насмешливо зафыркал:

– Так разве коловертыши только ведьмам помогают?! Мы достаток домой приносим...

– Как домовые что ли?

Существо принялось ковырять пол носком сапога:

– Ну... Наверде того...

Чего-то он явственно не договаривал, это точно. Но Маша не придумала ничего лучше, как отмахнуться от грызущего душу червячка сомнений и направиться дальше.

Анфилады комнаты в конце концов привели ее к лестнице, которая в свою очередь, вывела на первый этаж. Тут можно было, конечно, и по нему пройти, чтоб знать в итоге, что где находится и куда, в случае чего, бежать, но, Орловой сейчас уже все сильнее хотелось есть... А значит, стоило все-таки найти кухню.

Из комнаты на первом этаже, в которую попала Маша, вело две двери – одна поменьше, вторая – побольше, с двумя створками. Пленница направилась ко второй. Толкнула створку, изукрашенную резными жар-птицами...

И замерла, потрясенно оглядываясь по сторонам.

За всеми треволнениями, похищениями, свадьбами Ма-

ша как- то совершенно забыла, что изначально она возвращалась с работы в семь часов вечера – а стало быть день уже клонился к закату. В комнатах, за мутными слюдяными окошками было не разобрать, светло на улице или темно, а сейчас, в полыхании заходящего солнца, Навь вдруг обрела плоть и кровь, стала настолько реальной, что каждое здание, каждый терем – все они казались столь подлинными, что Орловой вдруг показалось, что это она сама выдуманная, сказочная...

Маша стояла на ступеньках одного из многочисленных теремов, казалось бы хаотично раскиданных по огромному двору. Одно- и двухэтажные постройки, по большей части были построены из камня, но кое- где попадались и деревянные здания. Впрочем, независимо от того, из чего были построены хоромы, все они были расписаны птицами, цветами.

– Хохлома какая- то, – потрясенно выдохнула Маша.

– Не хохлома, а борецкая роспись, – обиженно пискнули рядом с ее ногой.

Впрочем, кощейвой невесте было не до того, чтоб разбираться в стилях. Сейчас стоило все- таки где- нибудь поужинать... А дальше уже действовать по обстоятельствам...

То есть сперва стоило определиться, где среди множества этих построек находилась кухня. Уж там- то хотя бы кусок хлеба можно найти...

И вообще! Ее тут местный царь в жены позвал! Должны покормить нормально! Ну и что, что его Кощеем зовут, не

человек он что ли... И опять же – Маша замуж пойти согласилась (пусть и сдуру, но это уже отдельная тема для разговора), а значит, смысла ее держать впроголодь нет никакого!

Вот если бы она отказывалась – тогда да, тогда конечно. Мол, не пойдешь замуж – в темнице с голоду помрешь! Или как там в сказке все эти злодеи кричат?..

А сейчас- то чего издеваться?

В любом случае, вспоминать всяческие предания старины глубокой Маше совершенно не хотелось. Молодая женщина оглянулась по сторонам, высматривая, к кому можно обратиться за помощью. А уж то, что спрашивать надо – не было никакого сомнения. Васенька вон, неизвестно сколько на двери в виде придверного монстра просидел и невесть с чего перекинуться решил... ему- то в любом случае, откуда знать, что здесь как расположено, где кухня, а где какая- нибудь конюшня... правильно, неоткуда. А значит надо было найти кого- нибудь более осведомленного.

Впрочем, если люди (ну, или нелюди) вокруг и были, перед закатом во двор они выходить явственно не собирались: видно, своими делами были заняты...

Наконец, Маша разглядела сидящую прямо на земле, около стены одной из многочисленных построек, человеческую фигуру. Не придумав ничего лучше, пленница отправилась к незнакомцу.

Остановилась в нескольких шагах и осторожно окликнула:

– Здравствуйте. А вы...

Незнакомец медленно поднял голову и хрипло просипел:

– Тебе чего надо, девка?

Мужчина. Лет сорока на вид. В простеньком коричневом кафтане, темных брюках, черных сапогах. Рядом, на земле, шапка, упавшая со смолянисто- черных волос. Лицо пересекал глубокий, застаревший шрам, ослепивший незнакомца на один глаз и потянувший вниз уголок рта.

– Почему сразу «девка», – обиделась Маша. – Я не... Так. Стоп. Что у вас с голосом?

– Чего?! – говорить ему удавалось явно с трудом.

– С голосом у вас что, говорю. Хрипите сильно.

– Да уж второй день...

Пощупать железы Маша потянулась совершенно автоматически. Правда, дотронуться до горла ей не дали: перехватили запястье раньше, чем женщина успела хоть слово сказать.

– Ты чего руки распускаешь, девка?!

– Да folia Trifolii² же! – возмутилась Маша. – Почему сразу «девка»?! Других слов не знаете?! Я, между прочим, помочь хотела!

Мужчина дернул уголком рта:

– Помочь! – с каждым мигом ему становилось все труднее говорить, и голос все чаще срывался на шипение: – Видел я таких помощников...

² folia Trifolii – Листья трилистника (латынь)

Дождаться, чем закончится столь прочувствованная речь не было никакого смысла: Маша принялась рыться в сумочке. Как назло, косметичка со скоропомощными копеечными лекарствами, которую педиатр все время таскала с собой, под руку никак не попадалась – то ли выпала где-то по дороге, то ли Орлова просто забыла ее вчера дома, когда меняла сумку.

Женщина закусила губу, пытаясь вспомнить народные средства, способные заменить нормальные лекарства. Был ли такой курс в институте – Маша бы не рассказала даже под угрозой расстрела. Нет, по истории медицины точно что-то было, а вот именно углубленное изучение всяческих там травок на память не приходило совершенно.

Да и вообще. Даже если сейчас резко вспомнить про какие-нибудь бабкины средства – здесь ведь наверняка есть собственный врач, который, небось, такими же дедовскими методами и лечит. И вот тогда Маша со своими с трудом припомненными лекциями вряд ли будет «продвинутой» местного Гиппократы.

– Врач ваш где? – сухо поинтересовалась женщина. Наткнулась на хмурый взгляд и поправилась: – Лекарь местный? Почему не лечит?

А может, тутошние пациенты попросту не доверяют врачам, считая их банальными коновалами?

– Выехал пару дней назад, – хмуро откликнулся собеседник: – в Китеж у царя попросился.

Про Китеж Маша тоже что-то смутно помнила. Название когда-то где-то мелькало, но что с ним было связано – черт его знает. Впрочем, сейчас было не до того, чтоб изучать местные топонимы – следовало как можно скорее помочь пациенту. И для начала хотя бы прекратить мучить его расспросами – он же едва разговаривать может, хрипит, бедный.

Правда, умных мыслей в голову все равно не приходило: ну, здесь же наверняка нет никаких нормальных лекарств! Где в русской народной сказке, в которую Машу случайно занесло, найдешь хотя бы банальные мираместил и гексорал?

Хотя стоп. К слову о банальных. Есть ведь средства, которые сейчас уже практически не применяется. Ну, от кашля например, тот же термопсис, которым еще даже саму Машу в детстве от кашля лечили. А раз так, можно попытаться припомнить что-то, что применялось дома...

Молоко. Горячее и с содой. Мама поила в детстве.

А от боли в горле – можно полоскать солью, содой и марганцем.

Если, конечно, в этой Нави марганцовка существует.

Но, по крайней мере, большую часть компонентов можно найти на кухне.

Осталось только обнаружить кухню. Тем более, что и самой Маше туда надо. Хотя бы для того, чтоб с голоду не умереть – а то, тот же Васенька даже по ступенькам за ней не пошел, не говоря уже о том, чтоб к этому, безголосому по-

дойти.

Маша протянула руку, медленно, один за другим разжала узловатые пальцы мужчины, перехватившие ее запястье и мрачно поинтересовалась:

– Кухня здесь где?

Незнакомец вновь дернул уголком рта, и просипел:

– Пошли, покажу, девка, – на лице просто- таки крупными буквами было написано: мол, экскурсоводом работать не нанимался, но раз собеседница попалась такая неугомонная, то может стоит ее завести куда надо, да и позабыть там?

– Культура из вас, вижу, так и прет! – не удержалась от колкости Орлова.

Одноглазый медленно встал на ноги. Невысокий, коренастый, гиперстенического телосложения. Мужчина зябко передернул плечами – еще бы, при таком отвратном ларингите на земле- то сидеть! – наклонился, поднял шапку и, не удостоив Машу ответом, направился к одному из многочисленных зданий.

С точки зрения «полонянки» выбирал новый знакомец почти наугад. Таких одноэтажных строений вокруг вполне хватало, разницы между ними особой не было, но Орлова решила не спорить – в конце концов, местному жителю лучше знать.

Мужчина толкнул потемневшую от времени дверь, и наружу ударила волна горячего пара, потянуло вкусными запахами, слышались голоса... Одноглазый чуть склонил го-

лову, шагнул через порог. Маша поспешила за ним.

В первый миг она даже рассмотреть толком ничего не смогла: некоторое время ушло на то, чтоб проморгаться... И лишь через несколько минут женщина разобрала, что же она видит: по кухарне сновали, бодро обмениваясь советами и командами, невысокие, самое большее по пояс Маше, человечки. В белых колпаках, фартуках, с кудрявыми волосами, щедро присыпанными мукой, они напоминали то ли пушистые облака, то ли овец, неведь как забредших на кухню:

– Тесто! Митроха, за тестом следи!

– Три фазана! Девятко, ты принес фазанов?!

– Цветана, ты обещала заняться сбиванием масла!..

Маша даже посчитать не могла, сколько поваров сновало по кухне. То ей казалось, что из всего человек пять, не больше, то, чудилось, что перед нею бегают с полсотни кашеваров...

Человечки умудрялись быть везде и всюду: помешивать суп в громко булькающем котле, ощипывать птицу, сбивать масло, месить тесто, крутить в очаге вертел с цельной тушей, рубить яблоки для начинки в пирог, дробить на мелкие кусочки огромную сахарную голову...

У Маши от этой кутерьмы все перед глазами поплыло, и женщина, чтоб не упасть, схватилась за дверной косяк.

Одноглазый, похоже, был более привычен к подобному спектаклю. Мужчина шумно втянул крючковатым носом воздух и сипло выдохнул:

– Ни пользы от голбечников, ни выгоды. Только и знают, что кутерьму устраивать, а как до дела дойдет – одна сутолка.

На кухне словно стоп- кадр включили: все человечки в миг замерли в тех позах, в которых из застала эта короткая фраза. Даже варево в котелке, вздущееся очередным пузырем, так и застыло, не решившись булькнуть. Облако муки, взметнувшееся по самый потолок и вовсе застыло в воздухе.

И в наступившей тишине чуть слышно звякнул тонкий голосок:

– Ты, свет- Одихмантьевич, нас не забижай. Польза с нас всегда есть. Не мы, так кто царский двор кормить – поить поутру будет?

Одноглазый мотнул головой в сторону замершей на пороге Орловой:

– Девку лучше накормите. Отощала так, что мослы торчат! – и не дожидаясь возмущенного Машиного ответа, шагнул мимо нее на улицу.

Применить собственные медицинские познания не удалось...

Оставалась надежда лишь на то, что после ужина – если ее сейчас все- таки покормят,– удастся выпросить кружку горячего молока и немного соды: все- таки, что не говори, а полечить этого «свет- Одихмантьевича» (что за идиотское имя!) надо было. Пусть даже и такими несовременными методами. Даже если вдруг выяснится, что у него не ларингит, а мужчина попросту сорвал несколько дней назад голос – теп-

лое питье лишним не будет.

Стоило одноглазому уйти, как поварята тут же вернулись к привычным хлопотам. Лишь один, до этого момента бережно сметавший со стола в мешок ставшую ненужной муку, отложил в сторону небольшой ковшик и шагнул к Маше.

– Проголодалась, небось?

Орлова с трудом выдавила:

– Ага.

Поваренок – кругленький, розовощекий, с многочисленными эфелидами – веснушками, рассыпавшимися по вздернутому носу – потянул ее за руку от входа:

– Пойдем. Хлебом – солью накормлю...

В дальнем углу обнаружился небольшой свободный столик. Поваренок усадил за него Машу, и через несколько минут перед женщиной буквально из воздуха возникла кружка, до краев наполненная молоком. Рядом примостилась глиняная тарелка с щедрым ломтем пирога с ягодами.

– Отведай угощения, – улыбнулся поваренок, и веснушки, притаившиеся в многочисленных морщинках, казалось, еще сильнее расцвели его лицо.

Молоко явно не было пастеризованным.

Да и готовили здесь вряд ли в строгом соответствии с санитарными нормами.

Но есть хотелось все сильнее.

А еще – надо было все-таки напоить горячим молоком одноглазого, чтоб хоть слегка снять отек от ларингита.

А еще – следовало все-таки определиться с собственным грядущим семейным положением – а то дома кот.

Да и родители... Они, конечно, живут в другом городе, да и Маше не пятнадцать лет, но, извините, один день без звонка по Скайпу родственники, конечно, переживут. На второй – начнут нервничать. А на третий – начнут разыскивать свою непутевую дочурку по всей стране.

Маша вздохнула – будем надеяться, что в Нави пока еще нет острых проблем с кишечной палочкой и холерным вибрионом – и решительно отхлебнула из кружки.

Молоко, кстати, было вкусным. Пирог – тоже.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и сова проявляла все больше нетерпения: нервно крутила головой, переступала с лапы на лапу...

Создатель птицы, казалось, не замечал беспокойного поведения своего творения. Легкий поворот головы, скрытой под капюшоном, короткий кивок – вот и все, что показывало, что ожидающий следит за совою.

Сумрак почти поглотил скрытую за Пучай-рекой Навь, медленно спустился на Калинов Мост... Еще несколько мгновений, несколько ударов сердца, и Пекельное царство тоже пропадет в ночи...

Сова распахнула мягкие крылья и, издав пронзительный крик, взмыла в воздух. Ее создатель хрипло кашлянул – рас-

смеялся:

– Лети, родная...

До прибытия посланника оставалось всего ничего...

Кощей себе места не находил. Обещания Змея – это, конечно, хорошо, но что, если советник за несколько дней так и не придумает, как заставить царевну дать другой ответ? Что, если полонянка опять скажет «да»?

Мужчина опустил на резной трон, обхватил руками голову...

Леший знает, сколько он так просидел... Лишь заметив краем глаза какое-то неясное шевеление поднял глаза: в хорах ощутимо потемнело, спустилась ночь, и промеж высоких канделябров сновала легкая сизая тень, с каждым мигом все явственней обретающая очертания стройной девицы в скромном сарафане. Изредка она останавливалась, прикасалась кончиком пальца к свечам – и на фитильках вспыхивали крошечные огоньки: юная вечерняя заряла освещала терем... На рассвете по комнатам пройдет утренняя, загасит все свечи.

– Эй, – окликнул служанку Кощей.

Та замерла, оглянулась на царя и склонилась в глубоком поклоне:

– Да, мой царь? – голос, высокий, звонкий, дрожал и пре-

рывался.

– Как твое имя?

– Злоба, мой царь, – тень стала чуть плотнее, чуть заметнее, и Кошей разглядел черты лица: молодая, совсем молодая девушка: чуть вздернутый носик, огромные глаза, из-под платка – галстинки видна туго заплетенная коса.

– Здесь с розжигом закончила?

Заряла бросила короткий взгляд в дальний угол: тень пошла легкой рябью:

– Почти, мой царь. С десяток свечей осталось...

Мужчина кивнул:

– Закончишь, пойдешь в терем царевен.

Девушка подняла на него удивленные глаза:

– Но мой царь! Там Смиляна свечи зажигает!

– Пусть зажигает, – нервно дернул плечом Кошей. – Посмотришь, что делает царевна, вернешься, расскажешь.

Молодая заряла склонилась в новом поклоне:

– Как прикажешь, мой царь...

Мужчина отвернулся, показывая, что разговор окончен, а Злоба легкой тенью скользнула к незажженным свечам, прикоснулась к ним, пуская по фитилькам крошечные огоньки, и просочилась сквозь стену, поспешая выполнить приказ царя.

Язычки пламени плясали на истекающих прозрачными слезами свечах. Звери, нарисованные на стенах, скалились и кривлялись. За окном послышалось насмешливое уханье

совы, и Кощей вздрогнул. Не об этом ли предупреждал отец? «Не верь сове»? Или может – советнику? Или советам...

Вопросов больше, чем ответов.

Но пока что Змей не сказал ничего злого, он, наоборот, поведал о похвальбе Горыныча, напомнил о традиции... Значит, отец говорил не о нем?

Вопросы, вопросы, все время одни лишь вопросы...

Еще и царевна эта неправильная...

Темная тень зависла за окном, преградив дорогу лунному свету.

Неужели сова что-то хочет? Сказать? Передать весть?

Мужчина шагнул к окну, легко распахнул створки...

На подоконник упал свиток, перетянутый грубой шерстяной нитью. Серой, не крашенной и колючей на ощупь.

Сургучная печать на послании была сломана.

Маша допила молоко и прислушалась к собственным ощущениям. Вроде бы организм не собирался здесь и сейчас помирать от острого отравления какой-нибудь бацилой. Впрочем, всему свое время, правильно? Симптомы дифтерии так сразу не наступят...

Теоретически, конечно, понятно, что вряд ли в царском дворце будет отвратная кухня, но что будет на практике – фиг его знает. Тем более, что это, вроде бы, параллельный мир... Может, здесь, как обещано в каком-то комментарии к

«Алисе в стране чудес», отзеркаленные молекулы всех продуктов превращают их во что-то не съедобное для человека из обычного мира?

Правда, выяснить это можно только опытным путем.

А потому остается только надеяться, что это все глупости, измышления, и все будет в порядке.

А еще нужно все-таки помочь новому знакомцу с ларингитом. В конце концов, Маша – врач или где?

– Извините, – осторожно кашлянула женщина, пытаясь выпечить кого-нибудь из поварят.

Один из человечков остановился, оглянулся на нее:

– Тебе... чего надобно? – судя по паузе после первого слова, поваренок собирался сказать что-то еще, например, думал, как тот сиплый, обозвать Машу «девкой», но решил обойтись без обращения.

На том ему и спасибо.

– Простите... а у вас сода есть?

Кто их всех знает? Может, ее еще здесь не изобрели.

– Так что же ей не быть? – удивился человечек. – Много надо?

– Пару щепоток, – решила Маша. – И чашку горячего, почти кипящего молока.

Буквально через несколько минут перед Орловой появилась глиняная кружка с напитком и плошка с белым порошком. Было его, конечно, намного больше, чем пара щепоток, в молоко требовалось не высыпать не больше чайной ложки,

но где ее искать, ту ложку? Так что Маша, ничтоже сумняшеся, высыпала все в белую жидкость.

Теперь осталась самая малость – найти этого сиплого – одноглазого.

Мария подхватила кружку и шагнула к двери. Уже на пороге, схватившись за ручку, оглянулась:

– Спасибо большое!

– И тебе их помощи, – откликнулся кто-то из поварят.

Связи между своими словами и ответом Маша так и не углядела. Толкнула дверь, шагнула через порог в темноту сгущающейся ночи... И лишь когда дверь за спиной захлопнулась, Орлова поняла, как же она вляпалась...

Тьма была непроглядна. Окна в кухарне, конечно, были, но сейчас, оглянувшись, кощеева невеста не увидела ни единого проблеска света за своей спиной.

Теоретически, наверно, предполагалось, что какие-то источники света должны быть: проблески в окошках других теремов, отблески свечей, вспышки от горящих факелов, луна, звезды – ну хоть какое ж-то освещение должно быть!

Ничего.

Ни малейшего намека.

Казалось, Машу накрыли с головой теплым одеялом. Даже звуков никаких слышно не было: не пели ночные птицы, не кричали лягушки, не скрипели цикады... Но это же неправильно, честное слово! Дома за городом когда окажешься – летом по ночам столько звуков, а сейчас... Грбовая тиши-

на...

Похоже надо было как можно скорее возвращаться на кухню – надежды на то, что в этой темноте удастся найти терем, где до этого находилась, просто не было.

Маша отступила на шаг, нащупывая за спиной свободной рукою захлопнувшуюся дверь.

Пусто.

Еще один шаг спиной назад.

Пусто.

И тишина.

Только мертвых с косами не хватает...

Кощей все никак не мог решиться развернуть свиток. Письмо было адресовано ему, тут сомнений нет. Но почему печать сломана? Кто читал послание? Да и нить – серая, вместо привычно алой...

Заряла неслышно вскользнула из стены. По призрачной дымке, сохраняющей очертания человеческого тела, бежала легкая волна.

– Мой царь, в тереме царевен нет никого...

Кощей вскинул потрясенный взгляд:

– В смысле?!

– Терем пуст...

Так и не прочитанный свиток выпал из рук, а сам Кощей рванулся прочь из тронного зала.

Заряла стояла, удивленно глядя вослед царю... Наклонилась, осторожно подняла оброненное письмо и, не придумав ничего лучше, положила его, не разворачивая, на трон: там его правитель Навьего царства точно найдет...

Постояв еще некоторое время в раздумьях, Злоба выскользнула из палат: на сегодня ее обязанности были выполнены: свечи зажжены, до завтрашней ночи можно отдыхать.

Свиток пролежал на троне недолго. Если бы кто-то, находящийся в хоромаш считал сейчас удары сердца – их бы хватило десятка, не больше: пергамент выпустил десяток длинных паучьих лапок, сполз с кресла на пол и выскользнул в приоткрытую дверь.

Насмешливое уханье невидимой в ночной темноте совы эхом разнеслось по зале...

Горячая кружка обжигала пальцы – Маша по глупости взяла ее не за ручку, понадеявшись сразу отдать своему новому знакомцу. Еще несколько мгновений – и точно будет термический ожог... Впрочем, сейчас незадачливая полонянка была даже этому рада: она успела уже сделать шагов семь спиной назад, но до двери на кухню пока что так и не дошла.

Сердце колотилось где-то за грудиной, отдаваясь болью при каждом ударе.

Тахикардия. Сердечная эмболия. Вегето- сосудистая дистония. Ишемия... Что там еще с такими симптомами?

Дышать становилось все труднее, и Маша отчаянно цеплялась за боль в уже почти обожженных пальцах, как за спасительный круг, помогающий не свалиться в обморок...

Нет, диагноз, похоже, должен быть другим, без кардиолога тут не обойтись...

...Царевна стояла на пороге кухарни. Тонкая, хрупкая, едва заметная в ночной темноте. Кошечей сперва- то и не разглядел пленницу. А она... Она стояла, замерев соляным столпом, то ли прислушиваясь к пению соловья, выводящего очередную бесконечно длинную трель, то ли раздумывая, куда пойти.

Царевна еще что- то держала в руках, но разглядеть это в неверном блеске звезд да в слабом освещении из редких окошек было почти невозможно, и мужчина сбежал по ступенькам терема:

– Как ты вышла наружу?

До нее оставалось всего несколько шагов, но Марья, словно и не услышала вопроса, не пошевелилась, не изменила позы, даже головы на звук не повернула. Кошечей зло поджал губы, шагнул к полонянке...

...Сердце в очередной раз ударило в грудину, разламывая ребра. Из тьмы, сжимающейся все более плотным кольцом надвигалось что- то страшное, огромное, способное уничтожить одним своим присутствием. И все, что Маша смогла

сделать, борясь с накатывающим на нее головокружением, это, размахнувшись, плеснуть молоком перед собой...

...В лицо что-то полетело, и Кощей автоматически вскинул руку, закрываясь...

...Тяжелое одеяло тьмы, обрушилось, словно и не было его. По ушам ударило пронзительное пение сверчков, пахнуло теплым летним ветром, над головой заперемигивались звезды... А перед Машей висело в воздухе, растекшись неопрятной кляксой, выплеснутое молоко.

– Твою... аритмию!

...Кощей медленно опустил руку. От висящей в воздухе кляксы отчетливо пахло молоком. А еще теплом веяло.

Закрытие, остановившее летящую навстречу угрозу, состоялось автоматически. Соскользнуло с ладони раньше, чем мужчина смог понять, что происходит.

А вот царица, похоже, изначально все подгадала. Оружия нигде не нашла, вот и придумала кипятком в лицо плеснуть, чтоб значит, полонителю счастье было, от ожогов потом лечиться, глаза спасать.

Тварь.

А еще несколько часов назад радостно рассказывала, что замуж согласна пойти.

А на самом деле, небось только спит и видит, как в Явь сбежать.

И ведь просто сбежать – это в лучшем случае. Вон, как шустро кипятком нашла, чтоб в лицо плеснуть!..

...Боль за грудиной отступала, в голове прояснилось, и Маша не придумала ничего лучше, как протянуть руку – осторожно, кончиком пальца, прикоснуться к повисшей в воздухе кляксе. Та словно только этого и ждала: в тот же миг обрушилась на землю, забрызгав голые ноги Орловой каплями кипящего молока.

– Шабер!³

Холодная вода на кухне точно должна быть. Ожоги пусть и мелкие, но их много. До утра они, конечно, пройдут, но надо хоть чуть- чуть боль снять!

Женщина развернулась на каблуках: жених разлюбезный стоял чуть дальше, его почти не задело, первую помощь можно не оказывать, а пообщаться позже можно будет.

На плечо легла тяжелая рука:

– Далеко собралась, царевна?

Объяснять в сто пятьдесят восьмой раз, что она никакая не царевна, а так, мимо проходила, у Маши не было ни малейшего желания.

– На кухню, – буркнула она. Сейчас стоило все- таки слегка промыть кожу. Потом надо будет подумать, отчего самой Машеньке так стало плохо от выхода на улицу... А с осипшим местным жителем нужно будет разбираться уже завтра – одна ночь уже явно ни на что не повлияет. Тем более, что

³ Шабер (нем. Schaber) в стоматологии – зуботехнический инструмент в виде небольшого напильника с расширенной рабочей частью, применяемый для ручной обработки съемных зубных протезов

одноглазого в пределах прямой видимости не наблюдалось.

— Не стоит, — голос стоящего за спиной мужчины был абсолютно ровен и деловит, но у Маши почему-то мурашки по спине побежали. И морозом таким по коже продрало, что впору было шубу искать. Или температуру тела мерить. Градусов сорок по Цельсию точно будет.

Орловой на миг показалось, что от ее ног вверх взметнулись серые, почти незаметные в ночной темноте плети тумана, но эта галлюцинация пропала уже через мгновение — когда Маша вдруг обнаружила, что она стоит уже совсем не на улице, перед дверью на кухне, а в уже знакомой комнате — той самой, где ее до этого сторожил Васенька.

Ругаться уже просто сил никаких не было.

А еще и мелкие ожоги на ногах пекли.

Маша обернулась к Кощею, сама даже не зная, что говорить, о чем спрашивать... А он зло поджал губы, отступил на шаг и, не проронив ни слова, вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью.

— Ох ты ж, какие стукотки пошли, — тихонько пискнули из-под кровати.

Кощей стоял на пороге терема царевны, запрокинув голову к небесам.

На темно-синем покрывале перемигивались звезды. По

золотому диску луны снова стайка анчуток, пытающихся разобраться, как засунуть такое огромное счастье в заранее припасенный мешок. Легкий летний ветерок – полуночник скользнул рядом с щекой, шальным мальчишкой раскидав запахи степных трав.

Кощей вздохнул и сел на ступни терема, спрятав лицо в ладонях.

Мужчина понятия не имел, что ему делать.

Внезапно поднявшаяся волна злости на похищенную царевну уже улеглась. Было бы на что сердиться! Она и не может себя по другому вести! Она ведь полонянка! Кощей для нее враг!

А по сути – идиот, понятия не имеющий на кой леший вообще эта царевна сдалась. Традиция! Тоже мне традиция... Другой никакой дурацкой традиции нельзя было придумать? Раз в сто лет у русалок жемчуга, например, отнимать или со Спрыйей наперегонки бегать? А что? Было бы так же глупо и бессмысленно!

Где- то над головой пел невидимый соловей. Царь вскинул голову – в принципе, и не надеясь, что он разглядит птицу.

Небосвод пересек алый проблеск, крупный, с длинным полыхающим хвостом.

Огненный Змей полетел. То ли из царских хором куда- то спешил, то ли уже куда- то слетал и возвращался. Небось опять по вдовушкам шастал...

Темнит советник. Ой, темнит... Крутит, вертит.... Гово-

рит намного меньше, чем знает...

Не зря отец предупреждал: «Не верь...» Вот только, кому не верить? Сове? Советнику? Советам?

Зря, конечно, отец не согласился! Надо было иглу перековать! И кузнец уже толковый был вызван, и попытаться можно было... Так нет же! Ломай!

И вот кстати, об игле. У самого Кощея ее ведь пока что нет. И откуда ей взяться – леший его знает. Найти? Выковать? Создать? Отец на такие вопросы никогда не отвечал: кривил тонкие губы и тихо ронял:

– Срок придет, узнаешь.

Отец на вопрос ответа не давал, а теперь и узнать не у кого. Не у Змея же спрашивать. Тот может и знает, но вот скажет ли? Да и что за эту тайну взамен попросит? Да и, если отец все-таки насчет советника предупреждал, поведает ли Огненный правду?

Ох, отец- отец...

Насколько все было проще на рубежах....

Впереди – Калинов мост, Пекло и Ниян – Пекленец с Нией. Позади – Навь, Явь и Правь с Ирием.

За рекою – Тьма. За спиною – Навье Царство...

И сжимая в руке меч, знаешь, что идет из-за рубежа, знаешь, что ты защищаешь. Знаешь, в конце концов, кто прикроет спину, а кто в нее ударит!

А здесь... Здесь и сейчас все не так.

Насколько же все было проще у Пучай – реки...

Серые воды Пучай- реки походили на платок из теплой козьей шерсти. Казалось, протяни руку, и пальцы утонут в мягком пухе, согревающем, уютном, родном... Но тот, кто скрывался под балахоном, знал, насколько коварны волны пограничной реки. Знал, что ни одна живая тварь не способна войти в седые струи. Знал, что от обессиленных, упавших с небес птиц, которым не удалось пересечь рубеж между Навью и Пеклом, уже через миг после прикосновения к густой, тягучей воде остаются лишь истлевшие кости...

Огненный змей пал на землю сорвавшейся с небес звездой, обратился в добра молодца, провел ладонью по растрепавшимся за время полета и выбившимся из под алого очелья волосам, и лишь после этого повернулся к окутанной в саван фигуре, едва заметной в ночном мраке.

– Тебя пришлось долго ждать... – в голосе жителя Пекла появились шипящие нотки, которых не было слышно, когда он обращался к сове.

Змей дернул уголком изящно очерченного рта:

– Дела – заботы, – с запястья скатился огненный шар. Коснулся высохшей, истрескавшейся земли, и, замерев неподвижным фонарем, хотя бы слегка разогнал царящую вокруг темноту.

– Чужие жены... – продолжили в тон царскому советнику. В небесно- голубых глазах Огненного Змея полыхнули

алые пожарища:

– Не тебе, умрун, меня судить. Сговор у нас не с тобой, с твоим царем.

Этот мертвец – переговорщик появился на берегах Пу-чай- реки не больше месяца назад: до этого времени были другие, – и, несмотря на это, советник уже успел его возненавидеть.

Смешок- кашель:

– Может, и не мне... Да вот дорожка от Нави сюда прямая – хоженная... А ты небось, к вдовушке какой по дороге заглянул, иначе б скорее здесь был... О вас, Змехах, слава дурная ходит...

– Моя слава – мое дело, – тряхнул русой головой мужчина.

– Так и сговор с Нияном – дело твое... И важность у него поболее будет, чем у чужой солдатки.

Царский советник зло, по- волчьи, ощерился:

– Говори, да не заговаривайся, падаль.

С неба упала огромная сова. Мягко опустилась на плечо фигуры в балахоне, замерла, распахнув золотые глаза...

Казалось, свет созданного Огненного Змеем светильника особо и не докучал ночной птице.

Но ведь ее не должно было здесь быть:

– Откуда в Пекле сова? – Змей даже в ярости головы не терял.

– Совы птицы странные, советник... Летают где хотят... А мою вину прости мне советник, впредь умнее буду, заго-

вариваться не стану... – пошел на попятную умрун.

Мужчина воспринял это как должное:

– То- то же... Пекленец готов исполнить свою часть уго-
вора?

В голосе его собеседника проскользнули сладкие ноты:

– Царь Ниян всегда верен своему слову... – фигура про-
тянула руку: в широком рукаве балахона она казалась еще
суше, еще костлявее – и на протянутую ладонь Змея упал тя-
желый перстень с черным, зеркально отполированным кам-
нем: – Это только часть его милости. Остальные воспослед-
уют.

Мужчина дернул уголком рта:

– Мы договаривались о большем, – но сам перстень зажал
в кулаке, словно опасался, что его собеседник передумает,
заберет дар обратно.

– Всему свое время, царский советник...

– Даже эта часть должна была быть больше!

– Царь Ниян держит свое слово, – качнулся серый капю-
шон. – Не веришь мне, так до сердца Пекла всего ничего,
одна ночь лета. Полетишь со мной? Спросишь ответа у Ния-
на? – в голосе явно слышалась издевка: посланник правителя
Пекла слишком хорошо знал, что Огненный Змей не может
на столь долгий срок отлучаться из Нави.

На язык просилось ругательство. Длинное, с перечислени-
ем родичей умруна до седьмого колена. Но Змей лишь под-
жал губы и прошипел:

– Пошел ты к лешему! Вымесок окаянный! – до конца сдержаться он все же не смог.

– И тебе не хворать, царский советник...

Мужчина резко крутанулся на каблуках и взмыл в воздух огненным всполохом: в гневе даже магический светильник, оставшийся на земле, не погасил, не уничтожил.

Его собеседник тихо хохотнул, ласково пригладил по голове так и не пошевелившуюся сову – та только глаза от удовольствия прикрыла – и медленно опустил носок тяжелого черного сапога на лежащий на земле огненный шар.

Во все стороны брызнули искры, и берег Пучай- реки погрузился во тьму.

Маша устало присела на краешек сундука, оглянулась на кровать:

– Васенька?

– Агась? – откликнулись оттуда, но на свет божий появляться почему- то не поспешили.

– Ты здесь? – вопрос был, конечно, глупый, но ничего умнее в голову пока что не приходило.

– Нетути меня! – хихикнули из- под кровати: видно вся идиотичность ситуации была понятна даже коловертышу.

– А разговаривает кто? – вздохнула Маша.

– Да сама ты, царевна, с собой разговоры и ведешь...

– И как я только сама до этого не догадалась? – фыркнула

Орлова, покосилась на собственные ноги, покрытые россыпью алых пятнышек – ожоги легкие, до утра пройдут. Если их водой смыть, они б, конечно, не так пекли, но будем довольствоваться тем, что есть.

– А ты, царевна, вообще не очень догадлива, – из-под кровати показалось морщинистое личико.

– Спасибо, ты очень добрый, – пленница не удержалась от иронического замечания.

– А я че? Я ниче...

– Кстати. К слову о «ниче», – вспомнила Маша. – ты куда пропал?

– Я? – в голоске коловертыша звучало искреннее удивление: – Я на месте все время был.

– И место у тебя под кроватью? – не удержалась от подколки Маша.

Юмор ее, к сожалению, так и не поняли:

– Ну, да, а что?

– Ничего, – отмахнулась Орлова.

Женщина на миг задумалась: а дальше-то что делать?

Есть уже не хотелось, на кухне накормили. Ноги чуть-чуть болят, но это мелочи, до утра все пройдет.

По большому счету, стоило лечь спать – утро вечера мудренее и все такое. А уж завтра, как рассветет, можно будет задуматься о делах насущных: помочь одноглазому, собраться с мыслями, поставить себе диагноз – слишком уж неожиданно все это головокружение и боль в сердце пришли... И

наконец- таки поговорить спокойно с этим внезапно появившимся женихом! А то с одной стороны, замуж – это конечно, хорошо, но с другой – это ведь все- таки Кощей Бессмертный, а не какой- нибудь там Ванька с улицы..

Да и вообще. Дома – кот некормленный и родители, с которыми уже целый день не выходила на связь по Скайпу...

Кощей так и не вспомнил, замкнул ли он на этот раз дверь в комнату пленницы. Охранник там, конечно, должен быть, но и самому следить за порядком тоже не помешает.

Только вот, к хоромам, где жила полонянка, он так и не вернулся и себя не проверил. Ну ее, к лешему, эту царевну. До утра точно никуда не сбежит, а там уже и поразмыслить спокойно можно будет.

Усевшись в опочивальне на лавку, мужчина устало стянул обувь. В комнату заглянул слуга – стопан: может, хозяину помощь какая нужна, но Кощею сейчас меньше всего хотелось видеть кого бы то ни было: черный сапог полетел прямо в надоедливую помощника и тот, испуганно пискнув, скрылся за дверью, а сам Кощей доковылял до кровати и повалился на широкое ложе, закинув руки за голову.

Царская опочивальня находилась в соседнем тереме, но мужчина так и не смог себя заставить переехать в отцову спальню, оставшись в своих старых хорах. Может, это и не подобало молодому царю, но сейчас это была наименьшая

из головных болей — тем более, что в царской опочивальне так до сих пор и не починили потолок, разобранный в день смерти отца...

Заснул он быстро. А проснулся от того, что кто-то осторожно приоткрыл дверь в опочивальню. Первая мысль была о постельничем, который, по всем правилам, должен был находиться в соседнем помещении, но в комнату, вдруг проскользнула едва заметная хрупкая женская фигура...

Босые ноги неслышно ступали по мягкому ковру... Лунный свет играл на золотых волосах, мягкой волной опускавшихся до пола и служивших единственным одеянием незнакомки. Светлая кожа казалась почти молочной...

Девушка медленно шагнула к царскому ложу, присела на его край и потянувшись всем телом, нежно провела ладонью по щеке Кошея. Склонилась над ним, прикоснулась прохладными губами к его губам, скользнула кончиками ледяных пальцев по груди... Рука незнакомки замерла, остановилась, нежно касаясь кожи, и мужчина почувствовал, как к его сердцу подбирается могильный холод...

Осознание безумия всего происходящего ударило наотмашь, как пощечина.

Кто она?! Что делает здесь?! Как ее вообще пропустил постельничий, который должен был сторожить сон царя в соседней, проходной комнате?! Или он в сговоре с ней?!

Мужчина резко оттолкнул девушку, сел на кровати. Ночная посетительница кубарем скатилась с царского ложа, упав

ла на спину на пол и протяжно, по-змеиному зашипела.

Зазовка! Самая, что ни на есть натуральная зазовка!

Но какого лешего она здесь делает?! Сама пришла, из леса, или прислал кто-то, голову царю одурманить?!

За мгновение до того, как Кощей вскочил с кровати, женщина одним прыжком взвилась на ноги, метнулась к закрытой двери, и просочилась сквозь нее...

Правитель Навьего царства рванулся следом.

Постельничий сладко спал в проходной комнате, когда дверь, ведущая из царской опочивальни, резко распахнулась и на пороге появился сам царь. В одних подштанниках.

– Где она?!

– Кто?! – резко подскочил на лавке, очумело мотая головой мужчина.

– Ты, Ахмыл, мне зубы не заговаривай, – прошипел Кощей. – Девка где?! Только что здесь была!

Ахмыл Баженович происходил из древнего рода ведогоней, многие века оберегающих правителей Навьего царства. Нынешнего царя он еще на коленях качал, нрав его знал досконально. Но спросонья совершенно не мог понять, о чем идет речь:

– Какая девка, мой царь? Али позвать кого? Навку какую-нибудь или летавицу покрасивше кликнуть?

– Какая, к анчуткам, навка?! – не выдержал царь.

Постельничий тоскливо покосился на темное небо за окном, бросил сонный взгляд на пару одиноких, лениво горя-

щих свечей, едва разгоняющих темноту в хоромах, и вздохнул:

– Так может, ежели никакая, так спать пойдем, мой царь? Мало ли что до криков петуха приблизится?

Кощей зло сжал челюсти, смерил Ахмыла долгим взглядом, развернулся и, с силой хлопнув дверью, вернулся обратно в опочивальню.

Проклятую зазовку – соблазнительницу все равно уже не поймашь, не узнаешь, какого лешего она пришла. Но ведь ночь не последняя... У нее не получилось сегодня, так, может, придет еще завтра. И тогда уже надо будет ее не отталкивать, а за руку ловить. А зазовка – она не царевна из Яви: заплечных дел мастера быстро выведдают, по чьему наущению она явилась...

Постельничий проводил царя сонным взглядом и вновь повалился на лавку: спать хотелось все сильнее...

И никто не заметил, как из темного угла, куда не добирался свет от слабо дрожащих огоньков свечей, осторожно выползла небольшая тень на длинных тараканьих лапках и, сердито шипя, уползла в коридор...

Огненный Змей вернулся в Навь незадолго до рассвета. Полыхающий алым пламенем шар влетел в распахнутое окно одного из теремов, рассыпался искрами по гончарному каменному полу, украшенному узорчатыми изразцами, и обо-

ротился добрым молодцем в расшитом зелеными нитями кафтане.

Светильники, расставленные по углам комнаты, мужчина зажег легким взмахом руки – все-таки приятно, когда ты можешь делать то, на что не способен даже правитель, – оглянулся по сторонам, проверил, плотно ли закрыта дверь в горницу, и лишь потом позволил себе опуститься на пол: сил на то, чтоб добраться до лавки или хотя бы усесться на сундук, попросту не было.

Неподвижно просидев некоторое время, мужчина с трудом встал и медленно подошел к сундуку, стоявшему в углу. Покрытый зеленой чешуей хвост, высовывавшийся из-под полы камзола, нервно дернулся: будь на то воля звериной части души – и Огненный Змей еще пару дней бы не поднимался: все-таки путешествие в Пекло выматывает настолько, что и врагу не пожелаешь.

С трудом подняв тяжелую крышку, царский советник извлек из-под вещей неприметную черную калиту, развязал шелковые шнуры, стягивающие горловину, и вытряхнул содержимое кошель. На гладкую столешницу из моренного дуба выкатилось несколько крупных розовых жемчужин, следом за ними упала пара женских серег мелкого бисера... Порывшись в мошne на поясе, Змей осторожно, двумя пальцами извлек тяжелый мужской перстень, полученный в Пекле. Черный камень на мгновение побелел, став почти прозрачным – а в следующий миг вновь стал прежним.

Советник облизнул бледные губы:

– Три... Пять... Шесть... Осталось еще три...

Легким взмахом руки сгреб драгоценности в мошну и забросил ее обратно в сундук. Слуги, если найдут, и не поймут ничего, а воровать у советника побоятся...

Мужчина уже хотел захлопнуть крышку сундука, когда пальцы коснулись прохладного металла. Некоторое время Змей стоял неподвижно, а потом резким рывком вытащил из-под груды одежды зеркало в серебряной оправе. По стеклу бежала трещина, а на ручке недоставало несколько алых камней.

Советник дернул уголком рта и, подняв зеркало к самому лицу, медленно провел свободной ладонью по щеке. И там, где кончики пальцев касались кожи, она сползала кровотокащими лохмотьями, обнажая гниющую плоть...

Кое-где кожа и вовсе почернела, обуглилась. Мышцы, потраченные тлением, разошлись на отдельные волокна. У самой челюсти виднелись желтоватые пятна зубов, на скуле проступила белая кость...

Огненный Змей дернул сохранившимся уголком рта и язвительно обронил:

– Каков красавец! Всякая влюбится! – затем резко мотнул головой, натягивая ставшую уже привычной колдовскую личину и загоняя вглубь грызущую боль, и спрятал разбитое зеркало обратно в сундук.

– Семь лет неудач. Пять уже прошли.

Посмотреть, докуда гниение добралось на груди, он так и не решился.

Решившись, наконец, лечь спать, Маша все-таки вдруг вспомнила, что она в комнате не одна. Васенька, на вопрос, а где он ночью будет, тихо хихикнул и, звякнув:

– Понадоблюсь, царевна, кликнешь! – сжался в крохотную точку и истаял в воздухе.

Тут, конечно, было искушение сразу проверить, сработает ли вызов, но с другой стороны, сейчас он вдруг проявится, потом внезапно, например, выяснится, что он может исчезать один раз в день... И куда Маша его потом денет?

Кровать, как выяснилось, была безумно неудобной. Подушки – жесткие. Под матрасы – такое ощущение, кто-то не то, что горошину, целое ведро фасоли насыпал. Покрывало – пыльное... И как только Маша умудрилась на этой постели какое-то время полежать, когда ее сюда притащили? Тайна, однако.

Хотя, с другой стороны, она ведь тогда не спала, а в обмороке была...

Как бы то ни было, заснула Маша с трудом.

А проснулась уже когда было светло.

А если еще учесть, что за окном раза три за ночь раздавалось пение петуха: первый – второй раз еще темно было, а на третий только светать начало – Маша прокляла все. И

самое обидное, что в эту окаянную птицу нельзя было даже подушкой, как в разбушевавшегося Маркиза кинуть: окно было намертво закрыто, но «Кукареку» при этом было слышно настолько явственно, словно птичка решила прямо перед окном петь...

Да, врач–педиатр встает рано. Да, Орлова почти каждый день из-за работы просыпалась в семь утра... Но это же не значит, что ей это нравилось! Ну хотя бы в нормальной русской народной сказке можно было выспаться! А вот фигушки вам. Нельзя.

Другими словами, утром Маша поднялась злая и невыспавшаяся.

Нет, понятно, что после третьего крика, Орлова еще какое-то время попыталась поспать, и даже вроде задремала, но, все-таки, какой-же это сон? Особенно, если не знаешь. Сколько времени дремал – час, два или четыре.

Сотовый телефон в сумке за ночь не передумал, и включаться не стал: выяснить, сколько времени не было никакой возможности. Нет, конечно, вполне вероятно, что в этой, будь она неладна, Нави, используются более ли менее передовые технологии и часы, будильники и прочие куранты имеются, но в прямой видимости они не наблюдались, а если и были где-то на башне – так окно не открывалось, не помотришь...

Васенька пока в комнате не проявился. Ну, да это и хорошо – пока надо было разобраться с делами насущными. На-

пример, с собственной одеждой.

Блузка, тут надо быть честной, была уже малость несвежей. Юбка – и вовсе, забрызганной молоком. А раз так, стоило подумать о том, чтобы во что-то переодеться.

Да, своих вещей у Маши здесь не было – ну, извините, похитили ее внезапно, подготовиться не смогла, но ведь с другой стороны, Васенька сказал, что все в сундуке – ее... Нет, понятно, что до конца коловертышу доверять нельзя, Маша с ним совсем недавно знакома, но с другой стороны... Чем Маше может грозить то, что она наденет чужие сарафаны? О возможности подхватить грибок или что-нибудь похлеще пока не будем.

В сказках типа «Огонь, вода и медные трубы» всяческих там Марфушенек наоборот уговаривали: «Пойди за меня замуж! Возьми вот эти драгоценности!». Золото – бриллианты Орловой пока не предлагали, это понятно, но с другой стороны, если она действительно невеста Кощея, то получается имеет полное право надеть новый сарафан!

Главное, чтоб предыдущая хозяйка этих одеяний стригущим лишаем не болела. А то как-то неудобно получится...

Хотя, с другой стороны, платья на вещи из секунд-хэнда не походили. Если их кто и надевал, так пару раз всего, не больше.

По крайней мере, Маша пыталась себя в этом убедить.

После короткого взгляда на заляпанную молоком юбку это оказалось не так уж и трудно...

Одежду пленница подобрала себе попроще – без золотого шитья и россыпи драгоценных камней.

Рубашка с минимумом вышивки. Обычный синий сарафан на лямках... Может и стоило выбрать что-нибудь побогаче – невеста Кошечева, в конце концов! – но Маша на это не решилась. Плетенный пояс, подходящий по цвету к сарафану, оказался настолько длинным, что его пришлось обернуть вокруг талии несколько раз. Красивым бантиком его, правда, завязать не удалось, так что Орлова обошлась простым узлом.

Стоило его завязать, как рядом с окошком тут же материализовался Васенька. Маша даже, честно говоря, заподозрила, что коловертыш за ней наблюдал, прикидываясь невидимкой, но решила для собственного спокойствия не выяснять, так ли это. Пожалуй, это один из тех случаев, когда меньше знаешь – крепче спишь.

И опять же, если предположить, что зеленый человечек действительно все это время находился здесь, получается, что в случае опасности он сможет прийти на помощь! Сам коловертыш конечно мелкий, такой, что его и плевком перешибешь, но с другой стороны, любая помощь лучше, чем ее отсутствие.

– Ой, царевна, – всплеснуло руками- лапками существо, – ты хоть на человека теперь похожа! А то подол бесстыдный был... Открой только тайну, а то мне все нейдет... Косу-то тебе за что отрезали? Али сблудила где?

– Что?! – поперхнулась Маша.

Да она даже не влюблялась никогда толком!

– Да ты не забижайся! Я и не скажу- то никому, я же твой коловертыш! Блуд на стороне был, да? Дегтем ворота сильно измазали?

– Сильно я тебе сейчас сумкой по голове дам! – мрачно пообещала Маша. – И скажу, что так и было! И любой патологоанатом мне на слово поверит! Куда и как бить, я знаю.

Тут Орлова, конечно, преувеличивала, но не слишком.

Правда, с другой стороны, тут вставал вопрос. Если короткая прическа реально намекает на, мягко говоря, не совсем пристойное поведение, становится понятно, почему тот одноглазый Машу чуть ли не распутной девкой обзывал. А Кощей местный, наверное, попросту не заметил, что вместо ихней сказочной косы у Маши простое каре.

И тут можно было бы на все это махнуть рукой, но с другой стороны – Маше сейчас надо как- то разобраться с лечением одноглазого от ларингита, кормежкой кота, оставленного дома, и звонком родителям по Скайпу. А в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Вряд ли будущий супруг – независимо от того, станет он таковым или нет – будет слушать человека, к которому нельзя проявить ни малейшего уважения.

А это значило, что с прежде чем пытаться выйти в свет и отыскать первого пациента и будущего супруга, стоило как- то разобраться с собственной шевелюрой. Точнее – с ее от-

сутствием.

Кощей, как обычно, проснулся на рассвете, с третьим криком петуха. Часы на башне привычно показывали первый час дня – летом ночь коротка, на семнадцать часов дня всего семь часов ночи приходится. Впрочем, скоро день на зиму поворотит, Ниян силу набирать начнет: сперва будет шестнадцать часов дня и восемь ночи, потом пятнадцать – и девять... Ночь продолжит расти, и к ревуну – месяцу, под новый год, ночные и дневные часы и вовсе сравняются.

За четыре часа, прошедшие с рассвета молодой царь успел позавтракать, посетить Ночной храм: волхв-полуверец третий день говорил, что белый конь беспокоен – и сейчас, на шестом часу дня, занимался докладами и челобитными...

Зайти на капище, пожалуй, стоило еще и вечером. Вещие звери редко ошибаются – это люди, будь навьи или явьи, не важно, не всегда могут их понять...

– Сегодня у нас пять челобитных, мой царь, – привычно заговорил Змей.

Советник, как всегда, был свеж и полон сил. Кощей бросил на него злой взгляд: еще бы, к Огненному небось, никакая зазовка не придет, Змей сам кого угодно иссушит.

– Первая – от Хранителя...

– Его давай последним, все равно выезжать придется. Следующий кто?

– Бьет тебе челом люд крестьянский из деревни Гадюки-

но...

– Что там у них? – мрачно поинтересовался царь.

– Деревню Гадюкино смыло... – флегматично сообщил Огненный Змей.

Кощей поднял на него удивленный взор:

– В смысле?

– Третий месяц дожди, тучи над деревней не расходятся.

– И что?! Ветренника или закликуну по всей деревне найти не могут?

Змей пробежал взглядом строчки: ровные, красиво выписанные:

– Говорят, кузутик у них на околице поселился. Раньше у Светлояр- озера, по его словам, жил. Как вода там неспокойна стала, в Гадюкино перебрался.

– И что?! Целая деревня не может справиться с одним несчастным кузутиком? Может, мне еще поехать, низовок у них погонять? Или от Коровьей Смерти тын поправить?!

– Про тын, они, кстати, тоже упоминали, – в голосе Змея проскользнули ироничные нотки. – Правда, Коровья Смерть, говорят, к ним редко заходит, а вот сестры- Лихоманки чуть потемнеет, так к этому кромешнику в гости и идут. Все в кости играют. А как саван очередной продуют, так под окнами скребутся, копеечку лишнюю выпрашивают, детям спать не дают...

Кощей поднял на советника оторопелый взгляд: он так и не понял, говорит ли мужчина серьезно или шутит. А тот,

похоже, не спешил объясняться.

Царь попытался зайти с другой стороны:

– Почему мне челобитную пишут?! Тиуны куда смотрят? Гадюкино – это какой уезд?

Змей вновь пробежал взглядом челобитную:

– Темноградский. Близ Колодарского озера.

Кощей бросил короткий взгляд на сидевшего у двери дьячка – писаря:

– Пиши. «Тиуну Темноградского уезда послать своих людей в Гадюкино. Опросить...» Как там этого кузутика зовут? – покосился он на Змея.

– Пишут: «Богшей его кличут. На краю деревни поселился. Попросил ночлега у вдовы из Черных Смертей да так у нее и прижился. Раньше справно работал, людям помогал, а последние месяца четыре горькую запил, а Гадюкино смыкает теперь, к Нияновой матери»

– Про вдову эту ничего не пишут?

– Ружицей зовут, мой царь.

Кощей заломил бровь:

– Ружица? Это же не их имя. Там на «мир» обычно... – мужчина задумчиво потер подбородок. – Ратмира, Мирослава.

Советник только плечами пожал:

– Там про Лихоманок ведь писали. Может, она одна из них? А Черной Смертью по мужу стала?

Царь только рукой махнул:

– Ладно, пиши: «Опросить Богшу- кузутика, почто он бунит, деревне жизни не дает...»

Писарь – долговязый, с длинными руками, достающими до пола, торопливо зашуршал пером. Старался он, конечно, вовсю, но происходил из шиликунов – водяных, а потому на бумаге то и дело расплывались мокрые пятна.

– «...Вдове Ружице, – продолжал диктовать Кощей, – что из Черных Смертей предупреждение сделать, что дурных людей привечает, в кости в своем доме позволяет играть»... Целовальник в деревне есть? – это уже к Змею.

– Не могу сказать, мой царь, – мотнул головой мужчина.

Царь повернулся к писарю:

– Пометку сделай: проверить, есть ли целовальник, если нет, то кто брагой в Гадюкино торгует. Запретить продажу Богше – кузутика, пока не образумится...

Мужчина устало потер виски и повернулся к Змею:

– Следующая челобитная о чем?

Васенька, узнав, чем озабочена царевна, споро предложил решить проблему – повязать платок.

– Ты, царевна, еще, конечно, не замужем, но да лучше так, чем с косой отрезанной...

Маша на миг представила себя в платке, завязанном по-старушечьи, под подбородком, и наотрез отказалась. Нет, можно, еще, конечно, по- цыгански, например, завязать, или,

там, хвостиками вперед, как в фильме у Солохи, но одно другого не лучше. Орлова была более чем уверена – как она платок ни наденет, смотреться будет ужасно.

– Посмотри тогда, в сундуке что есть? – не успокаивался коловертыш. – Может, кокошник найдешь... До праздников далеко, но все да лучше, чем с отрезанной косой ходить.

Кокошник в сундуке был. Богато вышитый, с жемчужной сеткой, прикрепленной спереди. Рядом лежал широкий плат из холста с надставкой из малинового бархата, закрепленной с помощью тесемок.

– И подзатыльник есть! – радостно подтвердил коловертыш. – Глянь- ка еще, может убрус рядом лежит?

Что такое «убрус» Маша понятия не имела, но Васенька уверенно ткнул длинным пальцем в тонкий платок, вышитый серебряными и золотыми нитями:

– Для тебя, царевна, все найдется!

Пленница неуверенно извлекла из сундука кокошник, приложила к голове, на миг представила, как наляписто он будет на ней сейчас смотреться... И решительно убрала все обратно в сундук:

– Обойдемся без кокошников.

– А... Но... – неуверенно протянул Васенька.

– И без убрусов с подзатыльниками, – отрезала Маша.

В конце концов, это не операционная, чтоб волосы под шапочку прятать. Хорошо хоть маску надевать не заставляют. А то у них ума бы хватило, у этих кощеев с коловерты-

шами и свет- одихмантьевичами.

А если кому не нравится, как она одета и что на голове – пусть не похищают. Их об этом точно не просили!

А вообще, конечно, пора заняться делами. Позавтракать, умыться – желательно еще бы душ принять, но раз это вариация на тему сказочной Руси, тут наверняка должны быть бани или что- то в этом роде – и идти искать своего нового пациента, а потом – и Кощея.

– Жалуется тебе, мой царь, – заунывно читал Змей, – Дубыня на брата своего, Усыню. Тот волю себе взял полную, усами Почу- реку перегородил, а из- за этого у Дубыни в лесах беда приключилась. Река в лес не бежит, водой деревья не поит. Дубье верстать не получается: седмицу уже пытается волот дубы подтянуть, а те и не тянутся... Да и сильно выросшие запихать обратно не получается – сохнут один за одним. В труху крошатся...

Царь хмыкнул:

– Кузутика что ли к ним послать?... – шутка вышла грустной, Кощей и сам понимал, что идея совершенно неправильная и спор братьев- великанов надо решать по- другому, и чем скорее, тем лучше. Братьев трое, и там где один – там и второй. А где второй – там и третий. А значит, Горыня скоро вмешается. Вот только что делать, Кощей пока не знал...

Советник поднял голубые глаза на правителя Навьего цар-

ства:

– Поча как раз из Колодарского озера вытекает, и мимо Гадюкино идет, мой царь... Но у каждого дела есть своя причина. Может Усыня, перегородив реку, думает, что он прав? Может, кошка черная между братьями пробежала, или враг какой обманом раздор посеял?

Кощей задумчиво потер подбородок:

– Но сюда братьев, как и Горыныча, не вызовешь – разнесут весь Навьгород, волотам здесь не место.

Огненный Змей кивнул:

– И посланника к ним не отправишь, подумают, что царь не желает сам их беду решать... Озлобятся.

Мужчина привычно потянулся пригладить ладонью волосы, но ладонь коснулась металлического венца на голове, и молодой царь поспешно опустил руку на подлокотник кресла:

– Предлагаешь самому к братьям ехать?

Змей покачал головой:

– До Ясногорья дорога дальняя, мой царь. И дороги той – одни направления... Да и не много ли чести для этой троицы?

– Тогда что посоветуешь?

Змей прищурился:

– Лет двести назад, когда еще отец мой был советником, приходила царю челобитная от Бабы-Алатырки и мужа ее Еруслана-волота. Можно нынешней значихе поручить бума-

ги те найти, и в них уже посмотреть, что тогда царь решил
Кощей передернул лопатками – по спине словно гусеница ползла, – и кивнул:

– Действуй. На поиск – три дня.

– К концу срока бумаги будут у тебя мой царь, – склонился в поклоне Змей.

– Давай к следующему жалобщику.

Спина чесалась все сильнее, но царю полагалось хранить стойкий вид, так что, все что сейчас мог делать Кощей: сжать зубы и попытаться не обращать на это внимания. Получалось все труднее.

Странно, но после вчерашнего, дверь в Машину комнату оставалась открытой. Орлова это, честно говоря, не особо понимала. Если она пленница, то почему в ее комнате стоит этот сундук с богатыми вещами, а на двери нет замка? Если она – невеста, будущая царица и все такое – почему это никак не проявляется внешне? Почему никто не спешит шить свадебный наряд? Почему, в конце концов, она вынуждена сама искать себе завтрак?!

До кухни Маша добралась без происшествий – если кому из мимо спешащих местных жителей и не нравилась длина волос полонянки, вида никто не подал, максимум, покосились пару раз...

Женщина шагнула за порог кухарни и задохнулась от ца-

рящей в помещении жары – вчера ночью этого как- то особо не чувствовалось, не то что сейчас. Впрочем, мельтешащих по комнате человечков эта натуральная баня особенно не смущала: темп работы не сбавлялся ни на миг.

Самое смешное, Маше на этот раз даже просить угостить ее чем- нибудь не пришлось: стоило женщине на миг замедлить, размышляя, к кому обратиться, как напротив нее остановился на пару мгновений один из поварят, мотнул головой в сторону стола:

– Там, – и вновь поспешил по своим делам.

Маша бросила короткий взгляд в сторону, куда ей показывали: на столе стояла небольшая сковородочка со шкворчащей яичницей из одного яйца. Рядом стояла кружка, прикрытая сверху щедрым ломтем хлеба.

Орлова вздохнула: приглашать ее на торжественные приемы и пиры явственно не собирались. Ну, хоть голодом не морили, и на том спасибо.

В кружке оказался клюквенный морс.

Или что- то в этом роде.

Маша, конечно, предпочла бы кофе, чтоб окончательно проснуться, но, во- первых, выбирать особо было не из чего, а во- вторых: может, здесь оно еще и не известно.

Наскоро перекусив, Маша отодвинула от себя свовородочку и оглянулась по сторонам: Васенька, как и в прошлый раз, за пределы комнаты не вышел – надо, кстати, у него еще уточнить, он так и собирается там сидеть? – а раз так надо

было найти кого-нибудь, кто сможет дать ответы на насущные вопросы. Ну или хотя бы на один ближайший.

– Простите, – поймала она за локоток, пробегающего мимо поваренка – тот безумно напоминал отмытого и почищенного домовенка Кузю из мультика. – Вы не подскажете... Тот мужчина, что меня вчера сюда привел... Где его найти можно?

В конце концов, ларингит забрасывать нельзя, а молоко с содой Маша ему вчера так и не донесла.

– Соловей Одихмантич? Али другой кто?

Маша зависла:

– Соловей?!

На ее памяти среди более ли менее сказочных персонажей был всего один с таким именем. Тот самый который Разбойник.

Там еще в былине Илья Муромец как-то где-то рядом проходил...

Не ориентироваться же, в самом деле, на мультфильмы про трех богатырей!

– Али кто другой тебя привел? – удивился поваренок. – Вячко! – оглянулся он через плечо: – Это ловчий вчера под ночь приходил? Я тесто ставил, не заметил.

– Та кто же еще! – откликнулся из клубов вкусно пахнущего готовкой пара невидимый Вячко – по голосу, как бы даже не тот, что вчера Машу ужином кормил. – Он самый!

– Ну стал быть, свет-Одихмантьевич и заходил... Ну, а

коли он нужен, то стал быть, либо в лесах сейчас, к царской охоте готовится, что скоро будет, либо в своих хоромах...

Соловей, значит. Разбойник, который. Маша с трудом собралась с мыслями.

– И как туда пройти? – мужчина, все-таки вчера был приболевшим... Мог ведь спихнуть свои обязанности на каких-нибудь помощников, а сам пойти, отлежаться... – Ну, к нему домой, в смысле?

Нет, конечно, есть люди, которые до последнего на ногах, но кто его знает.

– Та тут недалеко... – широко улыбнулся поваренок.

– Пишет тебе челобитную, мой царь, Уйка – разбойник. По его словам – потомок Машеки самого...

– Разбойник? Челобитную? – заломил бровь Кощей.

Царский советник медленно кивнул:

– Он самый, мой царь, – прядь золотых волос выбилась из-под очелья, скользнула по щеке, и правителю на миг показалось, что на белоснежной коже Змея промелькнуло пятно черной гнили. – О помиловании просит. Именем Триглава закликает.

Царь мотнул головой, отгоняя нелепое видение, а Огненный Змей продолжал все тем же напевным голосом:

– Говорит, мол, раз он сам царский родич, то вправе просить о помиловании, даже за те грехи, что его голову отяг-

чают.

Писарь испуганно вскинул голову: неужель самозванец какой в Нави появился?

Кощей поперхнулся смешком:

– Родич? Что- то я не слышал о братьях, – уж этого- то точно бояться не стоит: у царя может быть только один сын, это всякий знает.

Змей позволил себе легкую усмешку:

– Я так понимаю, он намекает на то, что разбойником его предок стал после того, как твой дед, мой царь, его невесту в жены взял... Тут, конечно, скорее свойство, а не кровные узы... Прикажешь голову с плеч долой за дерзость, мой царь?

Спина, наконец, перестала чесаться, и Кощей позволил себе сесть чуть удобнее.

– Что он совершил? За что приговорен?

Змей чуть сильнее развернул свиток, пробежал взглядом последние строки:

– Измельчало Машекино племя. Предок – разбоем промылял, потомок – татьбой занялся. Чтоб на большую дорожку выйти – гонора, видать, не хватило... Выдали его тебе, мой царь, жители Березняков на поток и разграбление за воровство тайное по покоям чужим... – советник помолчал, о чем- то раздумывая, а потом хмыкнул: – Ловкий малый. Вчера, судя по подписи, в столицу только привезли, а челобитная уже сегодня составлена. Видать, сильно кары боится.

– Кто писал? – хмуро поинтересовался царь. – Сам Уйка или попросил кого?

– Он, по закону, в холодной сейчас сидит. Может, и есть там еще кто...

– И поток с разграблением должен быть... – задумчиво протянул Кощей, оборвав речь на полуслове.

Последняя фраза могла быть и вопросом, и утверждением – Огненный Змей не стал разбираться, продолжил в тон:

– Через седмицу, мой царь.

Правитель Навьего царства задумчиво подпер рукою подбородок, а затем резко мотнул головой:

– Отложи еще на столько же. Выясни, что про родство он говорил. Узнай, с кем в холодной его держат – сам челобитную писал али помогал кто.

– Будет сделано, мой царь, – советник склонился в низком поклоне.

Честно говоря, в глубине души Маша была уверена, что к Соловью она идет совершенно зря. Вряд ли он будет ее слушаться, пить горячее молоко и полоскать горло содой и солью.

И вообще, диагноз поставлен совершенно не точно! Может, у него не ларингит! Может, он просто голос сорвал!

Но, с другой стороны, это ведь ее обязанность – лечить людей! Пусть даже они, может, и не совсем люди, и вообще –

Маша – педиатр... Это ведь все – совершенно не оправдание.

А если вернуться в свою комнату и сидеть, ничем не заниматься, ожидая, когда там к тебе решит заглянуть внезапно обретенный жених, можно, помереть попросту – от голода и от скуки.

А так, глядишь, Соловью поможешь, а он, как- никак, царский лесничий. Глядишь, что-нибудь умное подскажет... Например, как уговорить Кощея временно вернуть Машу домой, покормить кота и успокоить родителей. А потом можно будет и дальше с внезапно свалившейся на голову свадьбой разбираться.

Поваренок дорогу показал правильную: по крайней мере, Маша даже не особо заблудилась: спокойно вышла за ворота местного «Кремля» – ее даже никто не пытался остановить: двое стоявших на воротах мужчин, вооруженных длинными копьями проводили ленивыми взглядами, но даже не окликнули, – и направилась вниз по улице.

Босоножки, которые Маша не рискнула поменять на местную обувь, явно не подходили для ходьбы по выложенной бревнами мостовой: каблуки – шпильки безбожно скользили по круглякам, проваливались в щели между ними и намертво застревали, чудом не выламываясь вместе с супинатором. Приходилось останавливаться и спасать столь несовременную обувь. Хорошо хоть никто из мимо проходивших местных жителей не заинтересовался, что происходит и не поспешил помочь, а то б наверняка возникли какие- ни-

будь вопросы по поводу все тех же босоножек, явно не вписывающихся в эпоху.

Впрочем, и на самих местных жителей стоило разглядеть повнимательней. Обычных людей среди них была хорошо если треть. Все остальные могли смело играть в каком-нибудь фильме – фэнтези без грима и спецэффектов. За то время, пока Маша спасала свои босоножки, она успела разглядеть нескольких рептилоидов, парочку призраков, девицу с синими волосами, с которых ручьем текла вода, двух или трех существ без головы, но с глазами на груди... Короче, посмотреть было на что...

И весь этот калейдоскоп странных существ сновал по улицам самого что ни на есть сказочно-славянского городка, сошедшего с картинок Билибина...

Сама Маша, может, и смотрелась чуждо на «страницах» этой сказки, но к счастью, все прохожие были заняты своими делами, а потому никто не додумался остановиться и поинтересоваться: «А чего это вы, женщина, без головного убора и без косы?». А может, коловертыш и преувеличил значимость прически...

Как бы то ни было, следуя советам поваренка Маша наконец добралась до своей цели. Ну или до дома, который вполне мог оказаться тем, что ей нужен – а то кто его, знает, вдруг заблудилась, или адрес не тот сказали...

Впрочем, проверить, правильно ли ее послали, Маше не удалось: за мгновение до того, как женщина наконец реши-

лась шагнуть к воротам нужного дома, они приоткрылись и навстречу гостье вылетела воронья стая.

Птицы закружились вокруг женщины, мешая сделать хоть шаг, задевая крыльями волосы, насмешливо каркая.

Кощеева невеста испуганно отпрянула, закрывая руками лицо:

– Ой!

Все это было настолько неожиданно, что даже ни одно ругательство на язык не прыгнуло.

А птицы кружились вокруг, били крыльями, то ли нападая, то ли издеваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.